
ЗАТЕРЯННЫЙ СРЕДИ МИРОВ
СЕРГЕЙ ЛЕЛЕКО

Сергей Лелеко

Затерянный среди миров

«Автор»
2026

Лелеко С.

Затерянный среди миров / С. Лелеко — «Автор», 2026

Физик Александр Сорокин семь лет строил «Гиперсферу» — прибор, который должен был доказать, что параллельные миры существуют. Он доказал. Только вернуться оказалось некуда: каждый следующий переход выбрасывает его в Москву, почти неотличимую от родной. Почти — это знакомые лица с чужими биографиями, Советский Союз, который здесь никуда не делся, город, утонувший в белом тумане, и мир, в котором нет его дочери.Дома жена Анна обзванивает больницы, пишет заявление и однажды узнаёт мужа на записи с камеры в магазине у метро. Он жив, появляется в городе, заходит в магазины, но домой почему-то не идёт.А за мирами давно наблюдает «Свод» — организация, которой очень нужен Сорокин и его прибор.Роман о том, что держит человека, когда у него отняли всё, кроме памяти: о доме, в который ещё надо суметь вернуться, и о семье, которая ждёт по ту сторону.

© Лелеко С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог: Эхо выбора 6
Введение 10
Глава 1: Проект «Гиперсфера» 12
Глава 2: Первый контакт с неизвестностью 17
Глава 3: Осколки 21
Интерлюдия первая: Заявление 30
Глава 4: «Советская утопия» 33
Глава 5: Параллели судеб 38
Глава 6: Точка невозврата 44
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Сергей Лелеко
Затерянный среди миров

Затерянный среди миров

Сергей Лелеко

16+

Физик Александр Сорокин семь лет строил «Гиперсферу» — прибор, который должен был доказать, что параллельные миры существуют. Он доказал. Только вернуться оказалось некуда: каждый следующий переход выбрасывает его в Москву, которая почти совпадает с его собственной. Почти — это знакомые лица с чужими биографиями, двойник за его столом в институте и мир, в котором нет его дочери.

А за мирами давно наблюдает «Свод» — организация, которой очень нужен Сорокин и его прибор.

Роман о том, что держит человека, когда у него отняли всё, кроме памяти: о доме, в который ещё надо суметь вернуться, и о семье, которая ждёт по ту сторону.

Пролог: Эхо выбора

Москва, октябрь 2024 года

В полутьме лаборатории мерцали экраны мониторов. Александр Сорокин в сотый раз просматривал результаты последнего эксперимента. Что-то в данных не давало ему покоя: крошечное, почти незаметное отклонение от расчётных показателей.

— Профессор, вы всё ещё здесь? — Голос ночного охранника заставил его вздрогнуть. — Уже третий час ночи.

— Да-да, уже ухожу, — рассеянно ответил Александр, не отрывая взгляда от графиков.

В углу кабинета раздался скрипучий мяук. Этот звук Александр узнал бы из тысячи: больше года назад именно из-за него он и заметил промокшего кота у входа в институт.

Шёл дождь. Кот был большой, серый, с надорванным левым ухом, коротким хвостом и свалявшейся шерстью. Потом он поднял голову и посмотрел на Сорокина ярко-зелёными глазами, и пройти мимо стало невозможно.

— Домой тебя взять не смогу — у дочки аллергия, — сказал тогда Александр.

Кот склонил голову набок и мяукнул ещё раз. Руководство института вряд ли обрадовалось бы животному в здании, но оставить кота под дождём Сорокин уже не мог. На старом складе нашлась коробка, а свой потёртый овчинный жилет Александр отдал коту на подстилку.

Кота назвали Ньютоном, в честь великого физика. Какое-то время его прятали от начальства, потом все привыкли, и он стал неофициальным, но признанным обитателем института.

А сейчас этот самый Ньютон вёл себя странно. Шерсть на загривке стояла дыбом, а сам он, припав к полу, не сводил глаз с установки, на которой стояла «Гиперсфера».

— Что такое, приятель? — Александр попытался погладить кота, но тот отпрянул, продолжая смотреть на устройство.

На рабочем столе лежали чертежи и расчёты «Гиперсферы»: семь лет работы, уместившиеся в устройство размером со старинный компас.

На одном из мониторов, где шла модель квантовых полей, что-то мелькнуло: короткая вспышка, похожая на телевизионную помеху. Когда Александр присмотрелся, экран уже работал как обычно.

Выключая компьютер, он не заметил, как на долю секунды его отражение в тёмном экране раздвоилось. А Ньютон продолжал неотрывно следить за «Гиперсферой».

Иногда Александру казалось, что Ньютон чувствует изменения в квантовых полях. Не раз во время экспериментов кот начинал беспокоиться за несколько минут до того, как приборы фиксировали аномалию.

Александр всегда считал, что его путь в науке был предопределён ещё в детстве.

Москва, конец 1980-х

Ему было шесть лет, когда отец впервые взял его с собой в обсерваторию. Был тёплый летний вечер, телескоп смотрел в небо, и звёзды казались совсем близкими.

— Папа, а что там, за звёздами? — спросил тогда маленький Саша, не отрываясь от окуляра.

— Другие миры, — просто ответил отец. — Миллиарды звёзд, и у многих из них есть свои планеты.

— А мы можем туда попасть?

— Когда-нибудь, может быть. — Отец поднял глаза к небу. — Но знаешь, Сашенька, есть теория, что существуют и другие миры, гораздо ближе, чем звёзды. Просто мы их не видим.

— Как это — не видим? Где они?

— Прямо здесь. — Отец взял сына за плечи, разворачивая его к городу, раскинувшемуся внизу. — Представь, что где-то есть точно такой же город, с такими же домами и улицами, но там всё пошло чуть-чуть по-другому. Где-то самолёты так и не изобрели, а где-то уже летают к далёким планетам.

Этот разговор Саша запомнил на всю жизнь. В школе он зачитывался фантастикой, в университете выбрал физику, а после аспирантуры ушёл в квантовую механику. Докторскую он защитил в тридцать пять, а в сорок получил звание профессора.

Москва, 2014 год

Уже работая в институте, Александр часто проводил вечера в Парке Горького: на ходу ему лучше думалось. В один из таких тёплых летних вечеров он увидел у фонтана девушку с медицинским справочником. Она читала так сосредоточенно, что не замечала ничего вокруг.

— Простите. — Он решился подойти, заметив знакомое название на обложке книги. — Это ведь Рассел по нейрофизиологии? Я недавно читал его статью о влиянии электромагнитных полей на нервную систему.

— Да. — Девушка подняла глаза, удивлённая. — Не ожидала встретить в парке человека, который читал Рассела. Вы врач?

— Нет, физик. Просто интересуюсь междисциплинарными исследованиями. Меня зовут Александр.

— Анна. — Она улыбнулась. — Я работаю в неврологическом отделении городской клиники.

Проговорили до позднего вечера. Анна рассказывала о своей работе, Александр о том, как квантовая механика могла бы пригодиться в диагностике, и оба удивлялись, сколько у них общего.

Поженились они в начале 2015 года, а в сентябре 2016-го родилась Виктория. И с самого начала Анна стала первым слушателем всех его идей.

Анна поддержала его, когда он решил заняться квантовой суперпозицией макрообъектов. Многие коллеги считали эту тему бесперспективной.

— Ты всегда был мечтателем, — сказала она однажды вечером, когда они сидели на кухне после очередного тяжёлого дня. — Мне это в тебе и нравится.

— Многие считают, что я просто теряю время. — Александр вздохнул. — Говорят, что теоретически это возможно, но практически недостижимо при современном уровне технологий.

— А ты им докажи обратное. — Анна сжала его руку.

* * *

Москва, 2017–2024 гг.

Практическую работу над «Гиперсферой» Александр начал в 2019 году, хотя теорию заложил ещё в 2017-м.

Первый прорыв случился в 2020 году, когда к нему присоединились Елена Петрова и Сергей Афанасьев, физики с опытом работы в энергетике. Они и предложили, как решить главную проблему: где взять энергию для устройства.

— Смотрите. — Елена разложила чертежи на столе в конференц-зале института. — Если использовать принцип квантового туннелирования для извлечения энергии из вакуума…

— И объединить это с модифицированным резонатором Шумана… — подхватил Сергей.

— Мы получим стабильный источник энергии, достаточно мощный для создания квантового поля необходимой напряжённости, — закончил Александр.

Так появилась идея компактного аккумулятора, который стал сердцем «Гиперсферы».

Следующие два года ушли на прототип. Мешала и техника, и бюрократия.

— Сорокин, вы понимаете, что запрашиваете финансирование проекта, который многие считают фантастикой? — Директор института, Валентин Петрович Громов, смотрел на него поверх очков. — Наблюдение параллельных реальностей? Это звучит как сюжет для научно-фантастического романа, а не как серьёзное исследование.

— Валентин Петрович, многомировой интерпретации квантовой механики больше шестидесяти лет, — терпеливо объяснял Александр. — Мы хотим впервые проверить её на опыте и создать устройство, которое позволит эти миры наблюдать.

— И какая от этого будет практическая польза?

— Представьте, что мы сможем увидеть, как развивались бы события, если бы история пошла по другому пути. Какие технологии могли бы появиться, какие открытия были бы сделаны.

В конце концов деньги дали, хотя и немного. Проект записали в «экспериментальные» и «теоретически значимые»: руководство почти не вмешивалось, но и ресурсов почти не было.

Работа всё равно двигалась.

Первые испытания прошли не слишком удачно. Устройство активировалось, создавало слабое квантовое поле, но ничто не говорило о том, что через него можно наблюдать другие реальности.

— Может, нам нужно усилить поле? — предложил Сергей после очередной неудачной попытки.

— Рискованно. — Елена покачала головой. — Источник энергии работает на пределе. Если мы увеличим мощность, может произойти перегрузка.

— А если дело в настройке? — сказал Александр, глядя на показания приборов. — Квантовое поле должно резонировать с определёнными частотами, характерными для структуры пространства-времени.

Они провели серию экспериментов, и постепенно вырисовалась закономерность: при определённой конфигурации квантового поля возникали микроскопические флуктуации, едва уловимые самыми чувствительными приборами.

— Это оно! — Александр не отрывался от данных. — Эти флуктуации и есть эхо параллельных реальностей. Мы на правильном пути!

Следующие месяцы ушли на тонкую настройку. Каждый эксперимент давал новые данные, и даже неудачи понемногу объясняли, как должна работать «Гиперсфера».

И теперь, после многих месяцев настройки, они были готовы к решающему эксперименту. Через неделю «Гиперсфера» должна была впервые заработать на полной мощности.

Через пару дней Александр вернулся домой пораньше. Всю дорогу он думал о странных показаниях приборов, о беспокойстве Ньютона и о запуске, назначенном на следующую неделю.

В вагоне метро было немноголюдно. Александр смотрел на своё отражение в тёмном стекле: усталое лицо, первая седина на висках. В сорок два он оставался подтянутым, несмотря на сидячую работу. Высокий, сероглазый, с длинными пальцами, привыкшими к паяльнику и тонкой настройке, и с крепким рукопожатием, которое удивляло тех, кто принимал его за кабинетного учёного.

Анна готовила ужин и встретила его улыбкой. Невысокая, кареглазая, она держалась с той ровной уверенностью, которая так нужна врачу-неврологу. На работе она собирала светло-каштановые волосы в пучок, а дома распускала, и Александру так нравилось больше.

Из комнаты выбежала Виктория с энциклопедией о динозаврах.

— Папа! — Вика просияла. — А ты знаешь, что у некоторых динозавров были перья? Смотри, вот этот был похож на большую курицу!

Александр улыбнулся. В восемь лет она интересовалась наукой так живо, что задавала вопросы, на которые он сам не знал ответов, и пересказывала каждое открытие из детской энциклопедии так быстро, что не успевала дышать.

— Да, сейчас считают, что некоторые динозавры были покрыты перьями. — Он сел рядом. — Представления о прошлом всё время меняются: при раскопках до сих пор находят новые виды.

— А как учёные узнают, что было миллионы лет назад?

— По окаменелостям, по отпечаткам, по составу пород. Это как расследование: собираешь улики и пытаешься понять, что произошло.

— А ты тоже детектив? Только ищешь не прошлое, а другие миры?

Александр удивлённо посмотрел на дочь. О работе он дома рассказывал, но в подробности «Гиперсферы» никогда не вдавался.

— Почему ты так решила?

— Ты же всё время говоришь с мамой про параллельные миры. — Вика пожала плечами. — Что где-то может быть мир, где всё по-другому. А там есть другая я? Чем она от меня отличается?

— Может быть, — мягко ответил Александр. — Некоторые теории говорят, что параллельных миров бесконечно много и где-то всё идёт немного иначе. Где-то ты чуть выше или любишь другие книги.

— А есть миры, где меня совсем нет?

Александр ответил не сразу.

— Теоретически, возможно, и такое. Миры, где мы с мамой не встретились или выбрали другие пути.

— Звучит грустно. — Вика нахмурилась. — Мне нравится наш мир. Не хочу, чтобы что-то менялось.

— Не волнуйся. — Александр обнял дочь. — Мы просто хотим наблюдать другие реальности, а не менять свою собственную.

Но где-то глубоко его кольнуло сомнение. Что если эксперимент пойдёт не так? Что если «Гиперсфера» как-то повлияет на миры, которые они собирались только наблюдать? Или на их собственный?

Он отогнал эти мысли. Расчёты перепроверены, системы безопасности испытаны. Эксперимент через неделю пройдёт без происшествий.

Поздно вечером, когда дочь уже спала, а Анна задремала над медицинским журналом, Александр сидел в домашнем кабинете и снова проверял расчёты. Всё сходилось, но тревога не отпускала.

Он подошёл к окну. Москва мерцала тысячами огней. Где-то, в других реальностях, стояли другие версии этого города: может быть, богаче, а может быть, в руинах. Через неделю он, возможно, увидит их своими глазами.

Засыпая той ночью, Александр не знал, что очень скоро увидит эти города вблизи.

Введение

Институт заканчивал рабочий день, лаборатории пустели, и только в крыле экспериментальной физики ещё горел свет. Александр снова и снова проверял параметры «Гиперсферы». Завтра её впервые запускали на полной мощности.

— Александр Михайлович, давайте я ещё раз проверю источник питания, — сказала Елена Петрова. Невысокая, очень внимательная, она отвечала за энергетический блок, и её работы по извлечению энергии из вакуума легли в основу «Гиперсферы».

— Конечно, Елена. Как показатели стабильности? — Александр оторвался от монитора, потирая уставшие глаза.

— В пределах нормы, но есть небольшие колебания, и они мне не нравятся. Взгляните. — Она протянула ему планшет с графиками.

Сергей Афанасьев в это время настраивал измерительное оборудование. Высокий, сутулый, вечно взъерошенный, он умел находить связь между явлениями, которые остальным казались никак не связанными. Модифицированный резонатор Шумана, который заметно повысил отдачу источника энергии, придумал именно он.

— Колебания могут быть реакцией на магнитное поле Земли, — предположил Сергей, подходя ближе. — Мы в последнее время ловим аномалии, которые ничем известным не объясняются.

Александр изучал графики. Напряжение действительно отклонялось от нормы, микроскопически, но регулярно. В другом проекте этим можно было бы пренебречь, но прибору, который должен заглянуть за границу реальности, такие мелочи не прощаются.

— Давайте проведём дополнительную калибровку сегодня вечером, — решил он. — Я задержусь и всё проверю.

— Я могу остаться помочь, — предложила Елена, но Александр покачал головой.

— Спасибо, но вам обоим нужно отдохнуть перед завтрашним днём. Я справлюсь.

Когда коллеги ушли, Александр ещё долго сидел в полутёмной лаборатории. Если всё получится, у человечества впервые будет доказательство, что параллельные миры существуют, и физику придётся переписывать.

Ньютон негромко мяукнул и запрыгнул на стол рядом с ним.

— Что скажешь, приятель? Завтра большой день. — Александр почесал кота за ухом. Ньютон прищурил зелёные глаза.

По дороге домой Александр не мог отделаться от странного ощущения, будто привычный мир стал чуть зыбче. Скорее всего, это были просто нервы перед запуском.

Дома Анна разбирала бумаги к завтрашним консультациям, а Вика уже спала, обняв плюшевого динозавра. Анна подняла глаза, когда он вошёл, и от её улыбки тревога немного отпустила.

— Как продвигается подготовка? — спросила она, откладывая работу.

— Завтра узнаем, была ли вся эта работа не напрасной. — Александр сел рядом с ней на диван. — Анна, что бы ты сказала, если бы я предположил, что существуют миры, где наши жизни сложились иначе? Где, возможно, мы так и не встретились, или встретились, но при других обстоятельствах?

Она задумчиво посмотрела на него и сказала, что из всех возможных миров счастлива оказаться именно в том, где они вместе.

Её ответ заставил его улыбнуться, но беспокойство осталось. Если «Гиперсфера» сработает, завтра у них в руках окажется ключ к мирам, о которых до сих пор можно было только гадать.

А что если эти знания окажутся слишком опасными? Что если, заглянув за границу своего мира, они откроют дверь, которую потом не смогут закрыть?

Уже засыпая, Александр думал, что завтра нужно встать пораньше и ещё раз всё проверить до прихода коллег. Сон пришёл быстро, но был беспокойным: ему снились чужие города и двери между ними.

Глава 1: Проект «Гиперсфера»

Наш мир. Москва, 24 октября 2024 года

В это октябрьское утро Александр проснулся в 5:30. Ровно семь лет прошло с тех пор, как он начал разработку своего главного проекта. Сегодня был первый запуск на полной мощности, и спать он больше не мог. Осторожно встав, чтобы не разбудить Анну, он прошёл на кухню и начал готовить завтрак для семьи. За плитой волноваться было некогда.

— Папа, ты сегодня рано, — сонный голос Вики, которой в этом году исполнилось восемь лет, застал его за приготовлением тостов.

Дочь, ещё взъерошенная после сна, забралась на высокий кухонный стул.

— Решил порадовать моих любимых девочек, — сказал с улыбкой Александр, ставя перед ней тарелку с завтраком.

Хлеб резала Вика.

Это была её обязанность — единственная, и потому неприкосновенная. Ей исполнилось восемь в сентябре, и в тот же день ей разрешили нож, о чём Анна до сих пор жалела, а Александр — нет. Вика резала медленно, высунув кончик языка, ломти получались разной толщины, и каждый раз кто-нибудь из родителей молча брал себе самый кривой.

— Пап, не трогай, — сказала она, не поднимая головы. — Я сама.

— Я и не трогаю.

— Ты потянулся.

— Я потянулся за солью.

— Соль там. — Вика показала ножом. — Ты потянулся за хлебом.

Он засмеялся и убрал руку.

Анна вышла на кухню в халате, с мокрыми после душа волосами, посмотрела на накрытый стол и остановилась в дверях.

— Так. Что случилось?

— Ничего.

— Саша.

— Ничего не случилось. Просто сегодня запуск.

— Ага, — сказала Анна. — Значит, случилось.

Она села, взяла кривой ломоть — самый кривой, — и Александр в очередной раз подумал, что она делает это машинально, потому что делает это каждое утро уже полтора месяца и, скорее всего, никогда об этом не задумывалась.

За завтраком Вика рассказывала про книжку о динозаврах, которую мама подарила ей накануне, и особенно про теризинозавра, у которого были когти длиной в полметра и который при этом ел траву. Её возмущала именно эта нелогичность. Анна говорила про смену: два плановых, одно консультативное, и с четырёх она свободна, и хорошо бы вечером наконец купить смеситель, потому что в ванной уже не капает, а течёт.

Александр слушал их и в какой-то момент поймал себя на том, что не слушает, а запоминает.

Он не смог бы объяснить, почему. Просто в это утро (от волнения, от недосыпа, мало ли от чего) ему вдруг показалось важным зафиксировать всё именно так, как есть: свет из окна, скатерть в клетку, мокрые волосы, кривые ломти, теризинозавра с его когтями.

Он даже подумал достать камеру. И не стал: было бы странно.

Он потом двадцать три раза пожалеет, что не достал.

— Тебе кофе или чай? — спросила Анна.

— Кофе. Я в институте ещё один выпью, но ты всё равно налей.

— Ты в курсе, что это ненормально?

— Я в курсе.

В прихожей он полез в шкаф за обувью и по привычке потянулся к нижней полке, где много лет стояли коричневые туфли. Полка была пустая с марта, а рука всё ещё помнила.

— Ань, я до сих пор скучаю по коричневым.

— По каким? — донеслось с кухни.

— По туфлям.

— Саша, я их в марте выбросила. У них задник был стоптан до дыры и подошва отходила. Я тебе три месяца говорила, ты три месяца кивал.

— Они были удобные.

— Они были ужасные, — сказала Анна, появляясь в дверях с полотенцем. — Саша, ты доктор наук. Тебе неприлично ходить в такой обуви.

— Мне в них хорошо думалось.

— В этих думается не хуже. — Она поцеловала его в щёку. — Иди уже, гений. И позвони после эксперимента, а то я тебя знаю: ты потом до девяти не выйдешь из лаборатории.

Он вышел на площадку и, уже нажав кнопку лифта, зачем-то оглянулся на дверь. Обитая коричневым дерматином, с ковриком «HOME», который Анна купила год назад. Он тогда посмеялся над ним, а теперь коврик ему нравился.

Всё было на месте.

В институт он приехал в семь.

Ньютон, который по утрам ждал его в кабинете, сидел на подоконнике у лестницы, куда обычно не залезал. Он не спал: сидел, подобрав лапы, и смотрел в окно на пустой двор, и когда Александр окликнул его, обернулся не сразу.

— Ты чего это? — спросил Александр.

Кот мяукнул — скрипуче, надтреснуто, будто у него в горле был песок, — спрыгнул и пошёл за ним по коридору, наступая на пятки, чего тоже никогда не делал.

Елена и Сергей появились в 08:30, оба раньше обычного и оба с одинаковым выражением лица.

— Не спали? — спросил Александр.

— Я спал, — сказал Сергей. — Часа полтора. Потом мне приснилось, что мы забыли заземлить контур, и я встал и поехал проверять.

— И?

— Заземлён.

Елена молча поставила на стол термос и разложила распечатки. Она всегда приносила распечатки, хотя все данные были на сервере: говорила, что на бумаге видит то, чего не видит на экране, и за одиннадцать лет ни разу не ошиблась.

— Аккумулятор набрал девяносто восемь, — сказала она. — К 09:00 будет сто. Саш, я хочу сказать одну вещь, и ты не перебивай.

— Говорю.

— Я сказала: не перебивай.

Александр поднял руки.

— Мы четыре года собирали эту штуку, — сказала Елена. — И все четыре года ты повторял, что она безопасна, потому что не создаёт ничего, а только наблюдает. Я тебе верю. Но у нас нет ни одного эксперимента на полной мощности, и предсказание для полной мощности мы получаем экстраполяцией. — Она положила ладонь на распечатки. — Экстраполяцией, Саш. На двух порядках.

— Я знаю.

— Знаешь, — согласилась она. — И всё равно запустишь.

— И всё равно запущу.

— Хорошо, — сказала Елена. — Я просто хотела, чтобы это было сказано вслух и чтобы потом никто не говорил, что мы не обсуждали.

Она разлила чай из термоса на троих, и они выпили его молча, стоя, как перед дорогой.

Через полторы недели Елена будет объяснять следователю, что в 16:28 всплеск зафиксировали сразу семь независимых систем. Ещё через полтора месяца она принесёт в отдел полиции журнал гравиметра из подвала и услышит, что это не показание.

А пока было утро, и чай был горячий, и Сергей шутил про заземление.

Кабинет его находился напротив лаборатории. Просторная комната была заставлена книжными шкафами, забитыми научными журналами и рабочей документацией. У окна стоял рабочий стол с компьютером, в углу — небольшой кожаный диван для редких минут отдыха. Ньютон, как обычно, уже ждал его на краю стола и мяукнул своим скрипучим голосом.

Налив себе свежего горячего кофе из кофемашины, Александр сел за компьютер просмотреть финальные расчёты. Он мельком взглянул на старые командирские часы, подаренные ему много лет назад дедушкой, — было 08:50.

«Гиперсфера» ждала своего часа в лаборатории напротив.

Тщательно проверив все системы и показания приборов, Александр запустил диагностику оборудования. Цифры на мониторах держались ровно, всё было готово к эксперименту. Аккумулятор, созданный Сергеем и Еленой, тихо гудел и набирал энергию для запуска. Всего несколько недель назад они наконец справились с последними техническими сложностями и собрали установку полностью.

Александр ещё раз просмотрел протокол испытаний. Сегодняшний эксперимент отличался от всех прежних: впервые прибор будет работать на полной мощности. По его расчётам, это должно было создать достаточно сильное квантовое поле для наблюдения параллельных реальностей.

День ушёл на подготовку. Калибровка тянулась дольше расчётного, дважды пересобирали контур, в обед Сергей уронил на пол осциллограф и полчаса извинялся. Только к 16:00 всё наконец сошлось. Вернувшись в кабинет, Александр сделал последние заметки в лабораторном журнале и налил себе свежий кофе — он всегда варил кофе перед важными экспериментами и всегда забывал его выпить. Часы показывали 16:05.

Перед выходом он открыл верхний ящик стола и достал маленькую чёрную камеру на резиновом ремешке. Привычка была старая и в институте над ней посмеивались: Сорокин снимал всё — сборку стенда, показания приборов, собственные руки на клавиатуре, даже кота, спящего поперёк документов.

Смеялись зря. Три года назад комиссия из министерства не поверила протоколу испытаний, и тогда его спасли именно кадры: на записи было видно, в какой момент и чьей рукой был сдвинут регулятор. С тех пор он повторял одно и то же: «Пишите. Иначе никто не поверит. И первым не поверите вы сами через полгода».

Он проверил заряд, прицепил камеру к нагрудному карману халата и нажал кнопку.

В лаборатории он ещё раз проверил все соединения и настройки «Гиперсферы». Глубоко вздохнув, Александр включил главный тумблер. Устройство тихо загудело, и на его поверхности появились первые признаки активации: тонкие линии слабого свечения, складывающиеся в сложный геометрический узор.

Свечение становилось всё ярче, приборы показывали значения, каких Александр никогда раньше не видел. Сердце забилось чаще: что-то определённо происходило.

Александр взял «Гиперсферу» в руки, и в тот же момент реальность вокруг него изменилась. Пространство лаборатории словно растянулось, образовав светящийся коридор, уходящий в бесконечность. Чувство времени пропало. Александр воспринимал сразу множество версий происходящего, будто и правда оказался в квантовой суперпозиции.

В этом странном состоянии каждая мысль распадалась на десятки вариантов, каждое движение порождало волну альтернативных возможностей. Так смотрят в бесконечный ряд зеркал, где каждое отражает чуть изменённую версию реальности.

Внезапно свечение изменилось. У Александра слегка закружилась голова, и он инстинктивно шагнул назад. В следующее мгновение он снова оказался в своей лаборатории. «Гиперсфера» в его руках медленно гасла, возвращаясь в исходное состояние.

Первым порывом учёного было немедленно всё записать, и он поспешил в кабинет: каждую деталь надо было зафиксировать, пока впечатления свежи.

Он снял с кармана камеру и, не выключая, положил её на стол объективом к себе.

— 16:31, — сказал он вслух. — Эксперимент проведён. Субъективно — потеря ориентации, продолжительность оцениваю в несколько секунд. Приборы дают ноль. Комментировать пока не берусь.

Он тронул чашку, стоявшую рядом, посмотрел в маленький чёрный глазок и добавил, уже тише:

— Кофе остыл. Это надо будет проверить отдельно.

Знакомый скрипучий мяук заставил его обернуться: Ньютон как ни в чём не бывало сидел на краю стола. Кот смотрел на него яркими зелёными глазами и ничуть не удивился его появлению.

— Ты тоже здесь, приятель? — Александр улыбнулся, машинально протягивая руку, чтобы погладить питомца.

Он взял чашку. Она была совсем холодная, будто простояла несколько часов. Он недоуменно посмотрел на свои командирские часы, дорогую память о дедушке, а затем перевёл взгляд на старые, но надёжные часы «Электроника-7», что висели на стене кабинета. Время совпадало, и с конца эксперимента прошло не больше пятнадцати минут.

— Странно, — сказал он, поставив чашку обратно. О временных аномалиях думать не хотелось. Ньютон тихо мурлыкал.

Александр невольно подумал о странной способности кота предчувствовать аномалии в экспериментах. Похоже, сегодня произошло нечто действительно необычное, и Ньютон это знал.

В дверь постучали. На пороге появились Елена Петрова и Сергей Афанасьев.

— Александр Михайлович, — начала Елена, слегка волнуясь, — мы заметили необычную активность аккумулятора. Потребление энергии превысило все наши расчётные показатели, но при этом устройство осталось стабильным.

— Такого мы ещё не видели, — добавил Сергей, протягивая планшет с данными. — Взгляните на эти графики. Энергетический всплеск был мощнее, чем во всех предыдущих тестах, но каким-то образом аккумулятор справился с нагрузкой.

Александр смотрел в планшет, но мысли возвращались к холодному кофе и странному ощущению времени.

— Спасибо. Аккумулятор отработал лучше, чем мы рассчитывали. — Он постарался говорить спокойно. — Мне нужно разобрать все данные. Завтра обсудим.

Когда коллеги ушли, Александр сел разбирать результаты эксперимента. Показания выглядели многообещающе, но одна деталь его тревожила. Во время всплеска все датчики несколько раз разом показали ноль, каждый раз на долю секунды, будто кто-то щёлкал выключателем. На сбой это было не похоже: датчики стояли независимые, с разным питанием, и ошибиться одновременно не могли.

Скинув все данные на флешку и заперев документы в сейф, Александр покинул кабинет. Он ещё раз заглянул в лабораторию, проверил, что «Гиперсфера» надёжно отключена и заперта в специальном контейнере, после чего направился к выходу из института.

На улице стоял прохладный осенний вечер, но что-то в нём было неуловимо иным. Александр остановился и с растущим беспокойством огляделся. Деревья вдоль институтского забора стояли как-то иначе, кроны выглядели гуще, чем утром. Конец октября, листва должна была наполовину опасть, подумал он, доставая телефон и делая несколько снимков для сравнения.

В метро неправильность стала заметнее. Названия станций, знакомые до последней буквы, теперь выглядели чуть иначе — шрифт казался более современным, а цветовая гамма информационных табло немного отличалась от привычной. Александр достал блокнот и начал записывать несоответствия одно за другим.

По дороге домой Александр пытался осмыслить произошедшее. Судя по всему, устройство сработало совсем не так, как он ожидал. Вместо того чтобы просто позволить наблюдать параллельные реальности, устройство каким-то образом создало квантовый резонанс, который физически переместил его в другой мир. Возможно, причиной стал тот странный всплеск энергии, который зафиксировали приборы во время эксперимента: энергопотребление превысило все расчётные показатели в несколько раз. Или, что ещё хуже, произошла синхронизация с квантовыми экспериментами его двойника из этой реальности, и между мирами возник мост. Как бы то ни было, всё оказалось серьёзнее, чем он мог предположить.

К моменту выхода из метро в Ясенево список различий занимал уже две страницы. Большинство изменений были настолько незначительными, что по отдельности их можно было списать на невнимательность или игру воображения. Но все вместе на невнимательность они уже не списывались.

На эскалаторе он снова достал камеру и снял стену перехода: рекламные щиты, схему линий, лицо женщины на плакате социальной рекламы, которой в его Москве не было. Кадры получались смазанные, и это его злило.

Он не смог бы объяснить, зачем снимает. Объяснение придёт позже, и очень простое: рассказать об этом словами нельзя. Ни жене, ни коллегам, ни себе.

Подходя к своему дому, Александр заметил, что детская площадка перед подъездом выглядит новее, чем утром. Качели были покрашены в другой цвет, а расположение игровых элементов немного отличалось от привычного. Он сверился с фотографиями, которые снял пару недель назад на прогулке с семьёй: различия были очевидны.

В лифте Александр всё ещё искал рациональное объяснение.

Когда он открыл дверь квартиры и увидел голубые шторы вместо привычных белых, последние сомнения рассеялись. Звонкий голос дочери: «Папа пришёл!» — и объятия Анны, казалось бы, такие знакомые, но с десятками крошечных отличий в интонации и движениях, окончательно подтвердили его догадку.

— Как прошёл день? — спросила Анна и вгляделась в его лицо. — Ты какой-то… другой сегодня.

Александр понял, что ему придётся быть предельно осторожным: Анна всегда была проницательной. Ему предстояло разгадать тайну перемещения между реальностями и найти путь домой, к своей настоящей семье. А до тех пор он должен был сохранять видимость нормальной жизни, чтобы не травмировать этих людей — семью другого Александра Сорокина. Где сейчас этот другой, он не знал. Если тот работал над таким же прибором, он вполне мог и сам отправиться в путь: оказаться в его мире, в каком-нибудь третьем или вернуться домой в любую минуту. Об этом тоже придётся думать.

— Весьма продуктивно, — ответил он, обнимая дочь. — Кажется, мы достигли серьёзного прорыва в исследованиях.

Прозвучало это почти естественно.

Глава 2: Первый контакт с неизвестностью

«Весьма продуктивно. Кажется, мы достигли серьёзного прорыва», — ответил он Анне в прихожей, и теперь собственные слова звучали у него в голове как чужие. Втроём они прошли на кухню. Анна привычно захлопотала у плиты, и каждое её движение было чуть-чуть не таким, как он помнил.

— Папа, расскажи про эксперимент! — Вика устроилась за кухонным столом. Он потянулся к графину с соком, чтобы выиграть время, и рука дрогнула: графин был не тот, что стоял у них утром, с другим узором на стекле и чуть темнее.

Стакан выскользнул из пальцев и разбился о пол. Сок растекался тёмным пятном по светлой плитке. Александр смотрел на осколки и думал о графине: в своём доме он его никогда не видел.

— Саша, что с тобой? — Анна мгновенно оказалась рядом и заглянула ему в глаза. — Ты сегодня весь вечер какой-то не такой. Словно это не ты.

— Прости, задумался, — отозвался он. — День был необычный.

Вика уже несла бумажные полотенца, и двигалась она собраннее и легче, чем его дочь. Должно быть, здесь она занимается танцами, мелькнуло у него, и от этой догадки стало совсем не по себе.

— Может, тебе прилечь? — Анна положила руку ему на плечо, и от этого прикосновения, знакомого и чужого сразу, он вздрогнул.

— Нет, я лучше немного поработаю в кабинете, — ответил он как можно ровнее. — Нужно записать некоторые наблюдения, пока они свежи в памяти.

Анна кивнула, но руку с его плеча убрала не сразу.

В домашнем кабинете Сорокин первым делом включил компьютер. Пока система загружалась, он достал блокнот и начал записывать всё, что успел заметить.

Экран входа был привычный, а дальше пошли различия: другие обои рабочего стола, иконки не на своих местах. Папки с документами были похожи на его собственные, но разложены иначе. Каких-то не хватало, зато появились новые, которых он никогда не создавал.

Папку с материалами по «Гиперсфере» он открыл последней. Расчёты заметно отличались от его собственных. Формулы были те же, но к квантовой суперпозиции макрообъектов «другой» Александр подошёл иначе и пришёл к тем же выводам своим путём.

— Надо же, — прошептал он, просматривая документы. — Он использовал теорему Белла совершенно иначе. Почему я сам до этого не додумался?

В дверь тихонько постучали.

— Папа? — Голос дочери звучал неуверенно. — Мама сказала, что ужин готов.

— Иду, солнышко, — ответил Александр, сохраняя открытые файлы. За документами прошло больше часа.

За ужином он старался вести себя как обычно, но теперь замечал каждую мелочь. Анна подавала блюда чуть иначе и клала другие специи. Посуда стояла на привычных местах, но была не та. Даже на любимой чашке Виктории вместо космоса были морские обитатели.

— Так что твой эксперимент, пап? — не отставала Вика. — Ты же говорил, что сегодня важный день.

Он на мгновение замер. Нужно было ответить так, чтобы не вызвать подозрений, но и не соврать.

— Понимаешь, сегодня мы проверяли одну интересную теорию, — начал он осторожно. — О том, что реальность может быть многослойной. Представь, что существует много разных версий одного и того же мира, и все они существуют одновременно.

— Как в той книжке про параллельные вселенные? — Вика оживилась.

Он вздрогнул: его Вика никогда не упоминала такую книгу.

— Да, что-то вроде того. — Он кивнул. — И сегодня мы, кажется, получили первое подтверждение, что эта теория может быть верной.

— Значит, где-то есть другая я? — задумчиво произнесла дочь, откладывая вилку. — И она тоже сейчас ужинает с другими мамой и папой?

Если теория верна, его настоящая дочь сейчас и правда ужинает с другой версией его самого. Он посмотрел на Анну: она внимательно наблюдала за ним и, кажется, ждала ответа.

— Возможно, — ответил он как можно спокойнее. — Но это пока только теория. Нужно провести ещё много исследований.

После ужина они, как обычно, собрались в гостиной. Вика делала уроки, Анна просматривала медицинские документы на планшете. Всё выглядело привычно, но теперь Александр замечал десятки мелких несоответствий. Учебники у Вики были оформлены иначе. Анна делала пометки левой рукой, хотя его жена была правшой. На стенах висели фотографии с событий, которых он не помнил.

— Милый, ты точно в порядке? — Анна оторвалась от своих документов. — Весь вечер молчишь.

— Просто устал. — Он попытался улыбнуться. — Эксперимент потребовал много энергии. Думаю, пойду пораньше спать.

На самом деле он собирался дождаться, пока все уснут. Вопросов было слишком много.

Дождавшись, когда дыхание Анны стало ровным и глубоким, Александр осторожно встал с кровати. Каждый шаг давался с трудом: половицы в этой версии квартиры скрипели иначе, и ему приходилось заново изучать безопасный маршрут до кабинета.

В ночной тишине гудение компьютера показалось оглушительным. Пока шла загрузка, он достал из ящика стола флешку с данными сегодняшнего эксперимента. Теперь можно было спокойно сравнить свои показания с материалами «другого» Александра.

Он открыл рядом два файла с настройками «Гиперсферы» и начал выписывать различия. Базовые параметры расходились кардинально: его прибор был настроен на наблюдение других реальностей, а здешний на то, чтобы физически перемещаться между ними.

— Вот оно что, — тихо сказал он, вглядываясь в цифры. — Одного наблюдения ему было мало: он искал способ путешествовать между мирами. И, похоже, в тот день мы оба включили свои приборы почти одновременно.

На полях рабочей тетради «другого» Александра нашлись карандашные пометки: расчёты побочных эффектов, оценки рисков, схемы. Одни идеи казались безумными, другие гениальными.

Чем дальше он читал, тем яснее становилась картина. Здешний Александр всерьёз разрабатывал перемещение между мирами и, судя по записям, был близок к успеху, но боялся последствий.

— Значит, между нашими мирами возникла связь. — Александр быстро записывал. — Но почему именно между нашими?

Ответ нашёлся в одном из документов, в теории «резонансных» реальностей: чем ближе миры друг к другу по структуре, тем легче между ними возникает связь.

Потом ему попалась папка с пометкой «Риски»: расчёты того, чем может кончиться неудачное перемещение, вплоть до разрушения самой структуры реальности. Последняя запись была особенно тревожной: «Необходимо найти способ стабилизации перехода. При текущих настройках существует опасность необратимых изменений в структуре реальности».

Александр откинулся в кресле. Выходило, что его случайное перемещение могло обернуться чем-то куда серьёзнее, чем обмен местами с двойником. Действовать надо было осторожно, но времени на раздумья могло и не быть.

Тихо скрипнула дверь, и он вздрогнул. В проёме стояла заспанная Вика.

— Пап, ты чего не спишь? — Она потёрла глаза, щурясь от света монитора.

— Работаю, солнышко, — мягко ответил он. — А ты почему не спишь?

— Пить хотела… А можно я с тобой посижу немножко?

Александр замер. Этого момента он и ждал, и боялся: побыть наедине с этой Викой и понять, чем она отличается от его дочери. Он подвинулся, освобождая место на диване у рабочего стола.

Вика забралась на диван с ногами и прижалась к его боку, точно так же, как это делала его дочь. А потом спросила совсем по-взрослому:

— Пап, а ты веришь, что можно попасть в другой мир? По-настоящему, а не как в книжках?

Она смотрела на него снизу вверх и ждала ответа.

— Знаешь, — начал он осторожно, — иногда самые невероятные вещи оказываются возможными. Нужно только понять, как они работают.

— Как твоя «Гиперсфера»? — Вика произнесла название его изобретения так, будто это было что-то волшебное.

— Да, как «Гиперсфера», — ответил он, обнимая дочь за плечи. — Но знаешь, наука иногда бывает очень сложной. И не всегда всё получается с первого раза.

— Но ты же не сдашься? — Она спросила это так, будто ответ мог быть только один.

— Нет, конечно нет. — Он посмотрел на экран компьютера, где всё ещё были открыты файлы с расчётами. — Иногда нужно просто найти правильный путь.

Дочка зевнула, прижимаясь к нему теснее.

— А можно я ещё немножко с тобой посижу?

— Конечно, солнышко.

Через несколько минут она уже спала, положив голову ему на колени. Он осторожно гладил её по волосам. Вернуться нужно было и ради этой девочки тоже: её папа, возможно, сейчас так же сидит в его кабинете и ищет путь домой.

Глядя на спящую девочку, он начал продумывать план. Изучить всё, что здешний Александр знал о «Гиперсфере». Понять, как именно произошло перемещение. И самое трудное: повторить эксперимент так, чтобы не навредить ни одному из миров.

Он осторожно отнёс Вику в детскую, укрыл одеялом и вернулся к столу. В журнале двойника нашлась запись о том, что после каждого опыта прибор убирают в лабораторный контейнер, точно так же, как делал он сам. Значит, здешний прибор лежит в институте. А пропуск двойника висел в прихожей на том же крючке, где свой вешал он сам. Завтра же он поедет туда пораньше, пока никого нет, и начнёт сравнивать два устройства. Возможно, ответ как раз в различиях между ними.

Было почти полпервого. За окном стояла густая октябрьская темнота. Сорокин подошёл к книжному шкафу и достал семейный фотоальбом: чтобы не вызывать подозрений, пока он ищет дорогу назад, нужно было лучше узнать жизнь этой семьи.

В альбоме была другая версия его жизни: те же люди, те же события, но с небольшими отличиями. Здесь они с Анной познакомились не в Парке Горького, а на конференции молодых учёных. Свадьбу сыграли не зимой, а весной. Виктория родилась в той же больнице, но на два дня позже.

Прежде чем закрыть альбом, он задержался на одной странице.

Дача. Облепиха. Вика лет пяти на руках у Анны, он сам справа, в нелепой панаме, которую в его мире потеряли на вокзале в Туле. Тот же снимок висел у них в комнате, в такой же деревянной рамке.

Александр смотрел на фотографию и вдруг понял, что не знает одной вещи.

Он не знал, кто её здесь снимал.

В его мире это был отец. Михаил Егорович приехал тогда на два дня, ворчал, что облепиха колючая, и сделал восемнадцать кадров, из которых годился один. Здесь отец, судя по всему, тоже был жив — на соседней странице он держал внучку на плечах. Но был ли он в тот август на даче? Стоял ли он за этим кадром?

Спросить было не у кого. То есть спросить было у кого — Анна спала в соседней комнате, — но именно этот вопрос задать было нельзя.

Он сел на пол у полки с альбомами и просидел так минут десять.

Тут, на полу у полки, он и понял, чем эти миры отличаются на самом деле. Не шторами и не обоями рабочего стола. Пароль от компьютера двойника оказался его собственным, адрес и номер автобуса совпадали, а имя дочери и её любимую кружку он узнал за ужином. Всё это можно выучить за вечер, и он уже почти всё выучил. А вот кто держал фотоаппарат в позапрошлом августе, не выучишь: этого нигде не записано. Это помнят только те, кто был тогда на даче.

Он поднялся, поставил альбом на место и аккуратно выровнял корешки — так, как они стояли.

Потом достал из кармана камеру.

Она пролежала в пиджаке весь вечер, и всё это время он о ней помнил, но не доставал. Снимать дом, где тебя накормили ужином и поцеловали в щёку, было неловко, будто он подглядывает за чужой семьёй. Но если он когда-нибудь вернётся, эта запись может оказаться единственным доказательством, что всё это было на самом деле.

Александр включил запись и медленно повёл камерой по комнате. Полка. Корешки. Фотография в рамке. Кухня, где на холодильнике висел магнит с надписью «Суздаль» — они никогда не были в Суздале. Коридор. Голубая штора, из-за которой всё началось.

— Двадцать пятое октября, — сказал он вполголоса, стараясь не разбудить. — Ноль часов пятьдесят. Я нахожусь не в своей квартире. Различия: шторы, магнит, книга про параллельные вселенные на полке у ребёнка, обои рабочего стола. Люди те же. Люди совершенно те же.

Он опустил камеру и постоял в темноте.

— Я весь вечер замечал мелочи, — сказал он в микрофон. — Шторы, магнит, она пишет левой рукой. Десятки мелочей. А главного так и не понял: чем эта женщина не моя жена. Может быть, ничем. И вот это страшнее всего.

Он выключил запись, потому что дальше говорить было нечего.

Наверху, этажом выше, кто-то спустил воду. Совершенно обычный звук в совершенно обычном доме.

Глава 3: Осколки

Прошло три с лишним недели. К чужой Москве Александр так и не привык. Теперь он снова ехал в институт и думал о предстоящем эксперименте. В полупустом вагоне метро, глядя на своё отражение в тёмном стекле, он вдруг отчётливо понял, как сильно рискует. И он, и его двойник вмешивались в материю реальности, не понимая до конца ни её устройства, ни последствий.

Первым делом, войдя в здание института, он направился в свой кабинет. Ньютон встретил его как обычно — запрыгнул на стол и требовательно мяукнул своим скрипучим голосом. Александр машинально погладил кота, но на душе было тяжело. Возможно, это их последняя встреча.

— Прости, друг, — тихо произнёс он, глядя в яркие зелёные глаза. — Не знаю, увидимся ли мы снова.

Ньютон перестал мурлыкать и внимательно смотрел на хозяина. Его надорванное ухо слегка подёргивалось, а короткий хвост был напряжён.

— Береги себя, — добавил Александр, в последний раз проведя рукой по серой полосатой спине. Кот проводил его до двери и остался сидеть на пороге, когда Сорокин направился в лабораторию.

Выбора у Александра не было: он должен был вернуться домой, к своей семье. И всё же теперь он особенно остро чувствовал, что отвечает за последствия.

В пустой лаборатории Александр достал «Гиперсферу». После долгого изучения записей своего двойника он был уверен, что понял принцип работы устройства. По крайней мере, так ему казалось.

— Теоретически всё должно сработать, — сказал он себе под нос, проверяя настройки. В лаборатории было тихо, только гудели приборы. Одно его всё-таки тревожило: ему казалось, что в записях двойника не хватает какой-то детали, от которой зависит направление перемещения между мирами.

«Гиперсфера» ожила в его руках и низко, едва уловимо зажужжала. По её поверхности проступили светящиеся линии и сложились в замысловатый геометрический узор. Александр вглядывался в него, пытаясь понять, в каком порядке появляются линии. Порядок что-то значил, но прочесть его он пока не мог.

В воздухе возник светящийся тоннель, похожий на калейдоскоп света и теней. По его стенам струились разноцветные потоки энергии, временами складывающиеся в неясные образы, которые тут же распадались. Вдоль тоннеля тянулись проёмы, похожие на дверные рамы и наполненные мягким, чуть пульсирующим светом. Очертания у каждого были чёткие, прямоугольные, но что находилось за этим свечением, разглядеть было невозможно.

Как выбрать правильный, подумал Александр, разглядывая светящиеся порталы. Каждый манил мягким сиянием, но узнать, что за ним скрывается, можно было, только шагнув внутрь.

Его потянуло к одному из проёмов. Почему именно к этому, он объяснить не мог: все порталы светились одинаково ровным, спокойным светом, но что-то вроде интуиции подсказывало сделать шаг именно туда.

Глубоко вздохнув, Александр шагнул в светящийся проём. На мгновение его окружило мягкое сияние, а затем яркая вспышка ослепила его. Когда зрение вернулось, сфера в его руках уже погасла и снова стала просто куском металла.

На покрытом пылью столе Александр заметил раскрытый лабораторный журнал. Последняя запись в нём датировалась 20 февраля 2022 года: «Эксперимент №147. Обнаружены аномальные колебания в магнитном поле Земли. Необходимо срочно проверить влияние на…»

Запись обрывалась на полуслове, словно что-то помешало её закончить. Следующие страницы были пусты.

Рядом с журналом, под тем же слоем пыли, стояла фотография в рамке: девочка лет шести в красной шапке, очень похожая на Вику и всё-таки другая. Александр смотрел на неё дольше, чем следовало.

Что здесь произошло после этой даты, подумал Александр, осматривая заброшенную лабораторию. Судя по следам поспешной эвакуации, случилось что-то серьёзное, раз люди бросили всё и ушли.

По пожелтевшим листам с более ранними записями историю этого мира можно было отчасти восстановить. Группа исследователей, включая его двойника, работала над проектом изучения квантовых полей. Но здесь они пошли другим путём: «Гиперсферу» создавать не стали и занялись странными колебаниями магнитного поля Земли, которые появлялись в отдельных точках города.

Перелистывая страницы, Александр наткнулся на схематичный рисунок какого-то устройства, отдалённо напоминающего его прибор, но гораздо более массивного. Судя по заметкам на полях, установка должна была улавливать эти колебания и показывать, откуда они идут.

— Возможно ли… — тихо сказал он, сопоставляя даты в журнале с очевидным запустением лаборатории.

Внезапно в коридоре послышались шаги, мягкие и осторожные: кто-то крадучись приближался к лаборатории. Александр быстро огляделся в поисках укрытия. Единственным подходящим местом оказался массивный лабораторный стол у дальней стены.

— Здесь кто-то есть, — услышал он приглушённый мужской голос. — Свежие следы на пыли.

— Надо проверить, может это один из наших, — ответил женский голос, который показался ему смутно знакомым.

В лабораторию вошли двое в серых защитных костюмах, лица скрыты респираторами. В руках они держали какие-то приборы, похожие на счётчики Гейгера, но явно более сложные.

— Елена? — Александр узнал в женщине Елену Петрову, несмотря на защитный костюм. Он медленно вышел из укрытия, подняв руки, чтобы было видно: он безоружен.

— Александр Михайлович?! — Елена отшатнулась. — Но как? Мы думали, вас нет в живых. Ещё с Инцидента.

— Инцидента? — переспросил он.

— Вы же сами выводили людей из института, когда начало трясти. — Мужчина снял респиратор, и Александр узнал Сергея Афанасьева. — А когда «Свод» ударил второй раз, вы пропали. Мы искали вас и не нашли.

— Кот тоже исчез, — тихо добавила Елена. — Помните Ньютона? Он жил в вашем кабинете. В тот день, когда вы пропали, он словно почувствовал что-то. Всё метался по коридорам, кричал своим скрипучим голосом. А потом просто исчез, как и вы. Мы искали его, думали, может быть, он где-то прячется, но… — она покачала головой. — Странно, да? Обычный кот, а вёл себя так, будто знал, что должно случиться.

— Но слава Богу, вы живы. Где же вы были всё это время? — спросила Елена.

— Это сложно объяснить, — сказал Александр: говорить, откуда он, он пока не решался. — Что произошло с городом? Почему вы в защитных костюмах?

О катаклизмах они рассказывали уже по дороге.

Наружу они выбрались через окно первого этажа: главный вход завалило ещё в первую зиму, и обломки козырька так и лежали поперёк ступеней. Александр вылез последним и остановился. К разрушениям он себя подготовил, а вот к тишине оказался не готов. В Москве всегда стоит гул, которого не замечаешь, пока он есть. Здесь его не было: ни машин, ни венти-

ляции, ни далёкого самолёта. Ветер шёл поверху и шелестел листами железа на крышах, и от этого тишина внизу казалась ещё глубже. Гарью уже не пахло, за два года она выветрилась. Пахло сырой штукатуркой, мокрым бетоном и, едва заметно, канализацией.

— Респиратор наденьте, — сказала Елена, не оборачиваясь. — Здесь недалеко асбест.

Двор института был засыпан битым кирпичом. Четыре машины стояли на своих местах у забора, на спущенных шинах, с матовыми от пыли стёклами. На одной из них, серой «Ладе», под дворником всё ещё торчал промокший бумажный квадратик. Александр осторожно вытянул его. Это была записка с предложением купить машину в любом состоянии и номер телефона. Александр подержал эту бумажку в руках и положил обратно под дворник: почему-то это показалось ему важным.

Они пошли вдоль корпуса и вышли на улицу, и тут Александр удивился во второй раз. Он ждал руин, а вокруг стояли дома. Обычные девятиэтажки, целые, с балконами и застеклёнными лоджиями. Только окна были пустые, где-то выбитые целиком, где-то с торчащими осколками стекла, и от этого дома казались слепыми.

На третьем этаже ближайшего дома на балконе висело бельё. Посеревшее от пыли и копоти, задубевшее за две зимы, оно так и висело на верёвке, и одна прищепка была красная.

— Не смотрите наверх, — сказал Сергей. — Первое время все смотрят наверх и потом плохо спят.

Через сто метров дома кончились. Александр не сразу понял, что произошло с этим кварталом. Здания не рухнули, их будто срезало по диагонали, и обломки лежали не грудой, а веером, вытянутым в одну сторону. На уровне четвёртого этажа, зацепившись за арматуру, висел кусок жёлтого автобуса.

— Волна, — сказал Сергей, проследив его взгляд. — Не землетрясение. Здесь прошла ударная волна. От чего — до сих пор спорим.

Улица дальше была расчищена. Не убрана — именно расчищена: обломки сдвинуты к обочинам в валы высотой в человеческий рост, и по образовавшемуся коридору можно было идти. Кое-где в валах виднелись вмороженные в бетон вещи: колесо от коляски, стиральная машина, батарея отопления, чей-то ботинок.

— Кто это разгребал? — спросил Александр.

— Мы, — сказала Елена. — Все, кто тогда остался в институте и в соседних домах, человек сорок. В первое лето ещё думали, что придёт помощь и надо расчистить проезд.

Она сказала это ровно, без всякой горечи, и от этого Александру стало только тяжелее.

На перекрёстке стоял светофор. Он висел, покосившись, на одном тросе, и был мёртв, как всё вокруг. Но перед ним, поперёк проезжей части, кто-то белой краской вывел на асфальте огромными буквами: «ЖДИ ЗЕЛЁНОГО». Александр остановился перед надписью.

— Кто это написал?

— Не знаю, — сказал Сергей. — Она тут с прошлой осени. Тут вообще много такого. — Он показал подбородком на стену. — Вон, смотрите.

На стене углового дома, на высоте вытянутой руки, шёл длинный список фамилий, написанных разными почерками и разными материалами — краской, углём, маркером, гвоздём по штукатурке. Сотни фамилий. Рядом с некоторыми стояли даты, рядом с некоторыми — короткие приписки.

«Кириллов А. В. — 14.09.22 — ЖИВ, Тула».

«Семья Мамедовых — ищем Руслана, 6 лет».

«Оля, я ушла в Домодедово. Мама».

— Стена, — сказала Елена. — В каждом районе есть своя. Люди пишут, потом приходят через полгода и смотрят.

— И находят?

— Иногда находят. — Она пошла дальше. — Не смотрите долго. Правда, не надо.

Дальше был мост. Он не обрушился целиком, а сложился посередине, и два его конца упирались в воду под углом, как раскрытая книга обложкой вверх. Река текла между ними, узкая и мутная, с бурой пеной у опор. По воде плыл мусор.

Их вёл единственный уцелевший пешеходный переход — переправа из связанных досок и пустых бочек, метров шестьдесят длиной, ходившая под ногами.

— Держитесь за трос, — сказала Елена. — И не останавливайтесь посередине, там качает.

На той стороне сидел человек. Пожилой, в нескольких куртках одна поверх другой, с ведром и удочкой.

— Здорово, Николаич, — сказал Сергей.

— Здорово, — ответил тот, не оборачиваясь.

— Клюёт?

— Не клюёт.

Они прошли мимо, и Александр обернулся: старик сидел неподвижно и смотрел на воду, в которой, судя по всему, уже два года ничего не жило.

— Он каждый день, — тихо сказала Елена. — Мы его подкармливаем. Он ловил тут до всего, у него была лодка.

Данилов монастырь они обходили по краю площади. Он уцелел почти полностью: стены, колокольня, купола, кое-где даже позолота. Вокруг лежали руины, а монастырь стоял, как стоял много лет, и смотреть на это было странно и почему-то спокойно.

У монастырской стены стоял ряд самодельных крестов: сваренные из арматуры, сколоченные из досок, один из двух хоккейных клюшек. Крестов было больше сотни, и они шли ровными рядами, как на кладбище, с табличками из фанеры и жести. Александр остановился.

— Здесь хоронили в первый месяц, — сказал Сергей. — Потом перестали успевать.

Что было потом, он уточнять не стал.

Они шли ещё минут двадцать. Александр смотрел под ноги и думал о том, что весь его страх последних недель — голубые шторы, чужая жена, неправильная марка машины — был страхом человека, у которого все живы.

— Пришли, — сказала Елена.

Массивный доходный дом начала века стоял целым: толстые стены, глубокие подвалы, сводчатые потолки. Такие дома строили на века и, как выяснилось, не зря.

На двери подъезда мелом было написано: «Не стучать. Свистеть». Сергей свистнул, два коротких и один длинный, и изнутри лязгнул засов.

В убежище, устроенном в старинных подвалах, было относительно безопасно. Здесь, за столом под единственной лампой, Александр решил рассказать правду.

— Я должен вам кое-что объяснить, — начал он. — Я не тот Александр Сорокин, которого вы знали. Я из другой реальности.

Елена и Сергей переглянулись. Сергей даже усмехнулся, как усмехаются неудачной шутке, но Александр не улыбнулся в ответ.

— Из другой… реальности? — переспросила Елена. — Александр Михайлович, вы понимаете, как это звучит?

— Понимаю. Поэтому лучше покажу. — Он достал телефон и положил перед ними. — Это моя Москва. Почти месяц назад.

На экране была Москва: целая, мокрая от октябрьского дождя, с пробкой на Профсоюзной и светящейся вывеской кофейни. Дата в углу последнего снимка: 23 октября 2024 года. Елена листала фотографии медленно, одну за другой: двор института, полный машин, Ньютон на подоконнике, девочка в жёлтой куртке, Анна у плиты.

— Это можно смонтировать, — тихо сказал Сергей, но сам в это уже не верил.

— Можно, — согласился Александр. — Тогда спросите меня о том, что знал ваш Александр. Я, скорее всего, отвечу неправильно.

Елена подумала.

— Что вы сказали мне в день Инцидента, когда выводили людей из корпуса?

— Не знаю, — честно ответил он. — В моём мире никакого Инцидента не было.

— Это объясняет некоторые странности, — сказал Сергей. — Вы похожи на нашего Александра, но что-то в вас другое. Мы заметили это сразу, просто не хотели об этом думать. Слишком хотелось, чтобы вы оказались живы.

Александр достал «Гиперсферу» и положил её на стол.

— Это устройство позволяет перемещаться между реальностями. Именно так я здесь и оказался.

Елена и Сергей снова переглянулись, и на этот раз Сергей не усмехнулся.

— Знаете, — наконец произнесла Елена, — возможно, это объясняет не только ваше появление. После катастрофы здесь происходили странные вещи. Особенно с появлением «Свода»…

— «Свода»? — переспросил Александр.

— Это случилось через несколько месяцев после начала катаклизмов, — начал Сергей, доставая потрёпанную тетрадь с записями и фотографиями. — Сначала в небе появились их самолёты. Ничего похожего мы раньше не видели — чёрные, с необычной геометрией крыльев. Они могли зависать в воздухе как вертолёты и садиться практически на любую поверхность.

— Первым делом они нанесли удары по всем уцелевшим аэродромам, — добавила Елена, показывая размытые фотографии непонятных летательных аппаратов. — Мы наблюдали, как они приземлялись прямо на разрушенных улицах. Машины и бронетехника появились позже.

Александр внимательно рассматривал фотографии. Даже по этим нечётким снимкам было видно, что техника «Свода» намного превосходила всё, что он знал в своём мире.

— Они полностью контролировали воздушное пространство, — продолжила Елена. — После зачистки аэродромов их летательные аппараты постоянно патрулировали город. А потом появилась наземная техника — те самые чёрные машины с логотипом «Свод».

— И всё это исчезло так же внезапно, как появилось, — сказал Александр. — Похоже на то, что они пришли из другого мира. Возможно, более технологически развитого…

— Можно мне сфотографировать эти записи? — Александр достал смартфон. — Это может помочь разобраться в происходящем. И ещё: не сохранились ли какие-нибудь записи вашего Александра? Мне важно понять, чем именно он здесь занимался.

Елена помедлила.

— Не всё удалось спасти во время эвакуации, — ответила Елена. — Но кое-что есть. Пойдёмте, покажем.

Они прошли вглубь убежища по узкому коридору, освещённому редкими светодиодными лампами. Толстые своды старинной кладки надёжно защищали от внешнего мира. Воздух здесь был прохладным и чуть влажным.

Сергей открыл тяжёлую металлическую дверь, за которой оказалось небольшое помещение, оборудованное под архив. Вдоль стен тянулись полки с папками и журналами, на столе стоял старый ноутбук на автономном питании.

— Здесь мы храним всё, что удалось сберечь. — Елена подошла к одной из полок и достала несколько потрёпанных тетрадей и папок. — Это его последние записи. Он вёл их вплоть до того дня…

Александр устроился за столом и взялся за тетради. Почерк был его собственный, до боли знакомый, но формулы и расчёты в заметках были совсем другие. Самые важные страницы он сразу фотографировал.

Первой Александру попалась серия расчётов по магнитному полю Земли. Двойник исследовал аномалии, возникавшие в определённых точках пространства. На схемах эти точки были разбросаны по Москве, словно созвездия на карте города.

— Интересно, — сказал он, разглядывая пометки на полях. — Он заметил какую-то закономерность в появлении этих аномалий. Они возникали циклично, усиливаясь каждые 12 дней.

В другой тетради обнаружились записи о необычных показаниях сейсмографов. За несколько недель до катастрофы приборы начали ловить микроколебания на частотах, нехарактерных для обычной сейсмической активности. Местный Александр подозревал, что эти колебания как-то связаны с магнитными аномалиями.

— Смотрите. — Он показал Елене страницу с графиками. — Он пытался создать устройство для измерения этих колебаний. Что-то вроде детектора пространственных искажений.

Перевернув страницу, Александр застыл. На развороте была схема, похожая на его «Гиперсферу», но с серьёзными отличиями: часть узлов была устроена совсем иначе.

— Он не пытался создать проход между мирами, — сказал Александр. — Он искал тонкие места.

Елена и Сергей непонимающе переглянулись, и он объяснил проще:

— Представьте, что миры лежат рядом, как страницы в книге. Обычно между ними плотная стена, но кое-где она тоньше, будто бумагу в этом месте протёрли. Ваш Александр находил такие места по магнитному полю. Там стрелка прибора начинала дрожать без всякой причины, а время от времени поле на долю секунды пропадало совсем. Он обходил город с прибором и отмечал каждую такую точку. — Александр постучал пальцем по схеме с россыпью точек. — Вот они, его созвездия.

В последней тетради записи обрывались на середине эксперимента. Судя по данным, местный Александр успел заметить, как в одном из таких тонких мест что-то случилось. Что именно, он записать не успел.

— Вот здесь, — сказал Александр, указывая на последние страницы, — он фиксировал всплески огромной мощности. И всегда в одних и тех же точках, в тонких местах.

На следующей странице были схематично изображены круги, расходящиеся, как от брошенного в воду камня, от нескольких точек на карте города. Рядом торопливым почерком было написано: «Энергетические волны распространяются не только в пространстве, но и между слоями реальности. Каждый всплеск создаёт эффект ряби, искажающей структуру…»

— Постойте. — Александр резко выпрямился. — Эти землетрясения начались не из-за экспериментов вашего Александра. Смотрите: каждый раз всплеск сначала приходит в тонкое место, и только потом начинает трясти. И ритм ровный, раз в двенадцать дней, как по расписанию. Сама по себе природа так не работает. Похоже, в эту границу стучали снаружи, из другого мира. А ваш Александр просто первым это заметил.

— Снаружи? — переспросил Сергей. — Вы хотите сказать…

— Что «Свод», возможно, был здесь задолго до того, как вы увидели их самолёты.

Перелистнув ещё несколько страниц, он нашёл таблицы с координатами и временными метками.

— А вот и карта. — Александр развернул тетрадь к ним. — Все тонкие места, какие он нашёл в Москве, с датами всплесков. По ней видно, где граница слабее всего.

В самом конце тетради была короткая запись, сделанная явно второпях: «Резонанс усиливается. Частота колебаний растёт в геометрической прогрессии. Если теория верна, через 47 часов произойдёт…» На этом запись обрывалась.

— А это что? — Александр заметил сложенный лист бумаги, выпавший из тетради. На листе оказалась схема какого-то устройства под заголовком «Стабилизатор пространственных колебаний», а рядом пометка: «Возможное решение?»

Александр отложил тетради и потёр уставшие глаза. Информации было много, а полной картины не складывалось. Двойник пошёл в своих исследованиях совсем другим путём, и хотя каждая страница что-то добавляла, многое по-прежнему оставалось непонятным. Они с двой-

ником будто смотрели на одну и ту же головоломку с разных сторон, и каждый видел только свою часть.

— Елена, — сказал он, помедлив, — мне нужна ваша помощь. Мой прибор почти разряжен, а без него я не смогу уйти дальше.

Он достал «Гиперсферу» из кейса, но из рук не выпустил. Елена поняла и не стала протягивать руку. Она наклонилась и долго рассматривала прибор у него в ладонях, особенно узкую панель питания сбоку.

— Интересно. Источник питания похож на тот, над которым я работала до катастрофы. Думаю, я смогу его зарядить, но потребуется время.

— Сколько времени? — спросил Александр.

— Часа три, может четыре. Нужно настроить оборудование под параметры вашего устройства.

Александр посмотрел на Елену, с профессиональным интересом изучавшую сферу, на молча наблюдавшего за ней Сергея и принял решение.

— Послушайте, — начал он и сам удивился тому, что собирается сказать. — Почему бы вам не пойти со мной?

Елена и Сергей удивлённо посмотрели друг на друга.

— Подумайте сами, — продолжил Александр. Он говорил медленно, подбирая слова: он понимал, о чём просит. Уйти из своего мира неизвестно куда. — Здесь вы только прячетесь. «Свод» уже забирал людей и, похоже, охотился за записями вашего Александра, а они теперь у вас. Рано или поздно за ними придут снова. И мне без вас не справиться. Елена, без вашей зарядки я дальше не уйду. А записи вашего Александра про тонкие места, которые вы сберегли, помогут понять, как вообще устроена дорога между мирами. — Он помолчал. — Я не могу обещать, что там будет лучше. Я сам не знаю, куда мы попадём. Могу обещать только одно: вы будете не одни.

— А если мы попадём куда-нибудь, где ещё хуже? — спросил Сергей.

— Может быть, и так, — признал Александр. — Пока я не умею выбирать, куда идти. Но чем больше мы узнаем, тем больше шансов научиться. А здесь вы будете ждать «Свод» всю жизнь.

Первой заговорила Елена.

— Знаете, а ведь вы правы. — Она выпрямилась. — Последние месяцы мы только и делаем, что прячемся и ждём неизвестно чего. А ведь я учёный. Мы все учёные. И где-то там, в других реальностях, могут быть ответы.

— А как же остальные? — Сергей обвёл рукой помещение, подразумевая других обитателей убежища. — Мы не можем их всех взять с собой.

— Остальные… — Елена задумалась. — Знаете, с тех пор как начались землетрясения, нас становится всё меньше. Кто-то ушёл искать родных в других городах. Кого-то забрал «Свод». Сейчас в убежище осталось всего пятеро, не считая нас.

— И все они хорошо справляются без нашей постоянной опеки, — добавил Сергей. — Михалыч вообще говорил, что хочет перебраться в подземный бункер в Раменках — там целая община выживших.

Александр слушал и видел, что они уже решили и теперь уговаривают друг друга.

— Сколько времени нужно на сборы? — спросил он.

— Час, — ответила Елена. — Скажите, что нужно для зарядки вашего прибора, и я соберу. Большую часть найду здесь, в убежище. А вещей много не возьмём, правда?

— Только самое важное. — Александр кивнул. — И записи. Все записи, какие есть — и ваши, и те, что остались от другого меня.

— А вы уверены… — Сергей запнулся, подбирая слова, — уверены, что устройство выдержит перемещение троих?

— Если честно, я не знаю, — признался Александр. — В своей реальности я никогда не пробовал перемещать больше одного человека. Но судя по расчётам, которые я видел, теоретически это возможно. Главное — правильно рассчитать энергию.

Вечером Александр увидел, как люди в убежище приспособились к жизни после катастрофы. Бывший винный погреб старинного дома превратили в общую столовую, где на самодельных полках хранились консервы и сухие продукты. В соседнем помещении устроили небольшую гидропонную ферму, где под лампами росли зелень и овощи. Генератор на солнечных батареях давал самый необходимый минимум электричества.

Ночевать Александру пришлось в небольшой комнате, переоборудованной из бывшей кладовой. Обстановка была спартанская, только раскладушка и старый стул, зато в комнате было сухо и относительно тепло: обитатели убежища держали вентиляцию в рабочем состоянии.

Утром следующего дня они собрались в путь. Елена упаковала минимум необходимого оборудования в рюкзак, Сергей взял сумку с самыми важными документами и записями. Попрощавшись с остальными обитателями убежища, они вышли на поверхность.

Дорогу к лаборатории пришлось выбирать в обход разрушений. От доходного дома они двинулись по Люсиновской улице, обходя завалы и перепрыгивая через трещины в асфальте. Варшавское шоссе пересекли по импровизированному мосту из бетонных плит, который кто-то уложил через глубокий провал в дорожном полотне.

Дальше путь лежал через тихие дворы Нагатино-Садовников. Разрушений здесь было меньше, зато зелень уже брала своё: между плитами тротуаров пробивались молодые деревца, стены домов покрывал дикий виноград.

Когда они проходили мимо заброшенной школы, Елена вдруг остановилась.

— Здесь «Свод» забрал последнюю группу выживших, которых нашёл, — тихо сказала она. — Мы видели это из укрытия. Ничего не могли сделать.

У станции метро «Каширская» им пришлось сделать большой крюк: прямой путь перекрывал обвалившийся подземный переход. Наконец они добрались до здания института. В утреннем свете оно выглядело ещё более заброшенным, чем накануне.

В лаборатории Елена сразу взялась за дело: разложила принесённое оборудование на уцелевшем лабораторном столе и начала собирать схему для зарядки «Гиперсферы».

— Интересная конструкция, — сказала она, изучая устройство. — В чём-то похоже на то, над чем я работала, но есть существенные отличия. Особенно в конфигурации силовых контуров.

Сергей тем временем расчистил пространство в центре лаборатории, передвинув сломанные приборы к стенам.

— Нам нужно больше места, — пояснил он. — Если устройство создаст такой же световой тоннель, как вы описывали, лучше, чтобы рядом ничего не стояло.

Александр следил за подготовкой и заодно просматривал сделанные накануне фотографии записей. Что-то в схемах его двойника не давало ему покоя — какая-то деталь, которую он никак не мог уловить.

— Готово, — наконец объявила Елена, подключая последние провода. — Процесс зарядки займёт около трёх часов. Я модифицировала схему питания, добавив дополнительный контур стабилизации. Теоретически это должно помочь устройству справиться с нагрузкой при перемещении трёх человек.

Пока шла зарядка, они договорились, как действовать: держаться вместе, крепко взявшись за руки. Александр в центре, с прибором, Елена и Сергей по бокам.

— Как мы узнаем, что устройство готово к перемещению? — спросил Сергей.

— По узору свечения, — ответил Александр. — Когда линии на поверхности образуют полный геометрический паттерн, это значит, что энергии достаточно для создания перехода.

— Заряд полный, — объявила Елена, отключая провода от «Гиперсферы». Устройство уже слабо светилось, на его поверхности проступали едва заметные линии.

Они встали в центре расчищенного пространства. Александр крепко сжимал сферу обеими руками, Елена взяла его под правую руку, Сергей — под левую.

— Что бы ни случилось, держитесь крепче, — предупредил Александр. — И не отпускайте друг друга, что бы вы ни увидели в тоннеле.

Устройство в его руках начало оживать. Свечение усилилось, геометрические узоры проступали всё чётче и складывались в сложный симметричный рисунок. Низкое гудение наполнило лабораторию и отдавалось от стен.

— Господи, — прошептала Елена, глядя, как пространство перед ними начинает искажаться. В воздухе возник знакомый Александру тоннель, вдоль стен которого светились прямоугольные проёмы — порталы в другие реальности.

Сергей невольно сделал шаг назад, но Александр удержал его.

— Помните: мы должны войти одновременно. На счёт три. Раз…

— Два… — Елена крепче сжала его руку.

— Три!

Они шагнули в ближайший светящийся проём. На мгновение их окружило ослепительное сияние, и пространство вокруг растянулось, словно резина. В ушах зазвенело.

Интерлюдия первая: Заявление

Наш мир. Москва, конец октября 2024 года

Двадцать четвёртого октября Анна вернулась домой в 19:00.

Ужин она готовила на троих, потому что готовила на троих восемь лет подряд и не задумывалась об этом. В восемь позвонила ему первый раз. Абонент временно недоступен. В девять — второй.

В 21:30 Виктория спросила, где папа, и Анна сказала, что папа задерживается на работе, и это было правдой, потому что он действительно задерживался на работе, иногда до полуночи, и в этом не было ничего.

В одиннадцать она позвонила Елене.

— Он ушёл в полпятого, — сказала Елена. — Мы с Серёжей ещё сидели. Он попрощался и ушёл.

— В полпятого.

— Аня, что случилось?

— Ничего, — сказала Анна. — Наверное, телефон сел.

Она положила трубку и села на кухне.

Телефон у него садился постоянно. Он забывал его заряжать, забывал дома, один раз забыл в такси. Из этого никогда ничего не следовало.

До половины пятого утра она сидела на кухне и слушала лифт.

В полиции ей сказали приходить через трое суток, хотя обязаны были принять заявление сразу. Этого Анна тогда не знала.

Не грубо. Женщина в окошке говорила устало и по-человечески, и от этого было только хуже.

— Он взрослый мужчина, здоровый, без заболеваний, конфликта в семье не было. Такие в девяти случаях из десяти возвращаются сами через день-два. Вы поймите, если мы будем на каждого поднимать розыск…

— Я понимаю.

— Съездите в институт, поспрашивайте коллег. Больницы обзвоните. Морги — тоже. — Женщина посмотрела на неё. — Простите. Я обязана сказать.

Морги Анна обзвонила в тот же день, все, по списку, который ей распечатали. У неё был ровный профессиональный голос, тот самый, которым она двенадцать лет говорила родственникам про инсульты, и он не подвёл ни разу.

Подвёл он вечером, когда Виктория спросила во второй раз.

Звонка так и не было. На следующий день, отвезя Вику в школу, Анна поехала к нему на работу.

Директор института Валентин Петрович Громов принял её сразу. Он был растерян, и это Анну напугало сильнее всего: за девять лет она видела его в разных состояниях, но растерянным ни разу.

— Анна Сергеевна, я не понимаю, — сказал он. — Он был здесь весь день. Утром его пропуск отметился на входе, а отметки на выход нет. Мы сначала решили, что сбой системы.

— А камеры?

— Камеры есть на проходной и во дворе. — Громов помолчал. — Мы посмотрели. Он не выходил.

— То есть как не выходил?

— Так, — сказал Громов. — Утром вошёл. Вечером не выходил. Мы прогнали три раза.

В коридоре её ждали Елена и Сергей.

— Аня, — сказал Сергей. — Мы тут посмотрели кое-что. Только между нами.

Он говорил, глядя в сторону.

— В 16:28 у нас на аккумуляторе был всплеск. Такой, какого не бывает. Мы сначала решили — сбой датчика. Потом посмотрели остальные приборы. Всплеск везде. Три секунды.

— И что это значит?

— Пока ничего, — быстро сказала Елена. — Пока ничего не значит.

Она взяла Анну за руку.

— Мы не бросим, — сказала она. — Мы будем разбираться.

Заявление она написала двадцать седьмого октября, через трое суток, как ей и сказали.

Розыскное дело завели в тот же день, и выглядело это совсем не так, как она себе представляла: вместо сводок и машин с мигалками — тонкая папка и человек в свитере под форменной курткой, который два часа задавал вопросы и записывал ответы от руки.

Долги. Кредиты. Азартные игры. Женщины.

— Такие вопросы я задаю всем, — сказал он в третий раз. — Это не значит, что я вас в чём-то подозреваю.

— У нас всё было хорошо, — сказала Анна.

— «Хорошо» — это не показание, — сказал Гриценко. — Расскажите про последнюю неделю. Что он делал, что говорил, чем занимался. Мелочи мне и нужны.

Она рассказала. Про эксперимент, про то, как он не спал две ночи, про то, как во вторник пришёл в 23:30 и всё равно пошёл смотреть с Викой энциклопедию.

Гриценко записал и это.

— Кот, — сказал он вдруг. — Кот в институте живёт?

— Да. У дочери аллергия.

— А как он вёл себя в тот день? — Гриценко поднял глаза от бумаг. — Животные часто первыми чувствуют, что что-то не так: пожар, утечку газа, землетрясение. Если в институте случилось что-то необычное, кот мог заметить это раньше людей.

Анна посмотрела на него.

— Не знаю, — сказала она. — Я не спрашивала. Господи, я не спросила про кота.

Запись из магазина нашлась только тринадцатого ноября.

Гриценко позвонил вечером и попросил приехать, если она может.

На экране был магазин — обычный магазин у метро, камера над кассой, серое зернистое изображение. Мужчина в тёмной куртке брал с полки бутылку воды. Потом упаковку батареек. Расплачивался наличными.

Анна смотрела на него секунд десять.

— Это он, — сказала она.

— Уверены?

— Я за него замуж вышла.

Гриценко отмотал назад и пустил снова.

— Третье ноября, — сказал он. — Одиннадцать сорок. Через десять дней после исчезновения.

Она держалась за край стола.

— Значит, он жив.

— Значит, десять дней назад он был жив, — сказал Гриценко.

Он смотрел на экран, а не на неё.

— Анна Сергеевна. Я обязан спросить ещё раз, и вы обязаны ответить честно, потому что от этого зависит, как я буду работать дальше. У вас всё было хорошо?

Она поняла наконец, о чём он.

Живой человек. Ходит по городу. Покупает воду и батарейки. Расплачивается наличными, чтобы не светить карту.

И не приходит домой.

— Да, — сказала она. — У нас всё было хорошо.

Домой она ехала на метро и всю дорогу думала об одном.

Батарейки. Он ненавидел батарейки. У него всё было на аккумуляторах, он сто раз говорил, что батарейки — это выброшенные деньги и мусор.

Она пришла, покормила Вику, проверила уроки, вымыла посуду и легла.

И только в темноте, уже под утро, поняла, что впервые за десять дней надеяться стало тяжелее, чем не надеяться вовсе.

Пока Саша мог быть мёртв, его не в чем было упрекнуть. Если он жив, значит, ушёл сам.

Глава 4: «Советская утопия»

Мир СССР

Светящийся коридор «Гиперсферы» погас, и ноги Александра коснулись знакомого линолеума лаборатории. Елена и Сергей, всё ещё держась за его руки, приходили в себя после перехода. На первый взгляд лаборатория была та же, что и в момент их ухода.

Первым внимание Александра привлекло неожиданное жужжание в кармане. Его смартфон, который после двух переходов оставался бесполезным куском пластика и стекла, вдруг подал признаки жизни. На экране появился логотип оператора «Госсвязь» и всплыло сообщение: «Добро пожаловать домой! Остаток вашего баланса 1 руб. 57 коп.».

— Вы только посмотрите. — Он показал экран спутникам. — Телефон здесь работает.

— Наука здесь, похоже, пошла другим путём, — заметила Елена, оглядывая приборы. Вместо привычной импортной техники стояли установки с маркировкой «Сделано в СССР»: компактные квантовые анализаторы, голографические проекторы, системы сбора данных с интерфейсом на русском языке.

Они выглянули в коридор. Вдоль стен стояли электронные стенды с портретами советских учёных, под каждым бежала светящаяся строка с перечнем заслуг, а на информационных панелях мелькали расписания заседаний и новости института.

Сергей тем временем подошёл к окну. На стене соседнего корпуса висел плакат «Слава советской науке!» с гербом СССР в углу, а внизу, за стеклянной стеной вестибюля, переливалась объёмная карта Союза со светящимися точками научных центров.

— Кажется, Советский Союз здесь никуда не делся, — проговорил Сергей. В лотке с документами лежала книга «Квантовая электронная вычислительная машина „Электроника 2023-2“». Сергей взял её и присвистнул. — Квантовые вычисления на бытовом уровне?

Осмотрев лабораторию, Сорокин решил заглянуть в кабинет напротив, в здешний свой кабинет. Он машинально достал связку ключей и вставил нужный в скважину. Ключ подошёл и легко провернулся. Даже ключи здесь те же, подумал он.

Войдя в кабинет, Александр сразу заметил разницу. Ньютон, всё такой же серый и полосатый, выглядел иначе: шерсть ухоженная, ухо целое, хвост длинный и пушистый. Но главное не изменилось. Кот тут же запрыгнул на стол и требовательно мяукнул своим скрипучим голосом, узнав Сорокина.

Обстановка в кабинете тоже была другой: новые шкафы с документами, другие дипломы на стенах, а на столе монитор с логотипом «ЭВМК Электроника 2023-2».

Внезапно зазвонил проводной телефон, на нём мигала жёлтая кнопка «Секретарь». Сорокин взглянул на свои командирские часы: 10:20. Отвечать он не стал, но минут через пять в дверь постучали, и в кабинет вошла стройная девушка с короткой стрижкой, в деловом костюме.

— Александр Михайлович, доброе утро! Не смогла вам дозвониться, вас срочно вызывают в четвёртый конференц-зал — заседание учёного совета уже через сорок минут. И что это за люди с вами? — Она с удивлением посмотрела на Елену и Сергея. В это время из-под стола выглянул Ньютон. — Ой, у вас ещё и котик в кабинете? Как же зовут этого красавца?

Александр мгновенно собрался.

— Кота зовут Ньютон, а это мои коллеги из Новосибирского отделения. Прибыли для консультации по проекту.

— Ах да, простите, я не представилась: Марина Игоревна Иванова, ассистентка Александра Михайловича. — Она улыбнулась. — Документы гостей оформлены?

— Как раз собирались этим заняться, — спокойно ответил Александр. — Передайте, пожалуйста, что я буду через полчаса — нужно разместить коллег.

После ухода Марины Александр запер дверь, налил Ньютону воды, насыпал корма и включил компьютер. На экране появилась заставка операционной системы «Звезда 10»: красная звезда, медленно перетекающая в стилизованную букву «З». Система запросила логин и пароль.

Александр помедлил над клавиатурой и ввёл свои обычные данные. Компьютер сразу разблокировался. — Надо же. Пароли у меня здесь те же.

Минут через пятнадцать в замке повернулся ключ. Сорокин в это время стоял у окна и разглядывал территорию института. На пороге появился сам Александр из этого мира, в безупречно отглаженном костюме, с папкой под мышкой.

— Что за чертовщина?! — Двойник отступил назад, и рука его метнулась к кнопке вызова охраны на стене.

— Что вы делаете в моём кабинете? — Хозяин кабинета перевёл взгляд с Сергея на Елену, потом дальше. — А это кто стоит у окна?

Александр медленно повернулся от окна. Несколько секунд в кабинете было совсем тихо: два одинаковых человека смотрели друг на друга.

— Это что, трюк? Грим? — Местный Александр вглядывался в его лицо, не убирая руки от кнопки. — Как это возможно?

— Присядьте. — Александр медленно поднял руки. — Я всё объясню. Только выслушайте.

Местный Александр опустился в кресло, не сводя с него глаз; Ньютон тут же запрыгнул ему на колени. За следующие десять минут Александр коротко рассказал их историю: опыты с «Гиперсферой», случайный переход между реальностями, разрушенный мир, из которого они только что сбежали.

— Мне нужна минута, — сказал местный Александр и достал из ящика стола флягу с коньяком. Сделав глоток, он долго смотрел в одну точку.

— Знаете, — сказал он наконец, — последние месяцы наши приборы фиксируют странные квантовые возмущения. Я выдвигал гипотезу о параллельных реальностях, коллеги смеялись. Теперь, выходит, смеяться будут над ними.

Он сделал ещё глоток и внимательно посмотрел на прибор в руках гостя.

Потом поставил флягу обратно в ящик и выпрямился в кресле.

— Мне нужно идти на заседание учёного совета. А вы пока позавтракайте: в холодильнике в углу есть еда, в шкафу чайник и кофе. После заседания я вернусь, и мы продолжим разговор. — Он посмотрел на своего двойника. — И вот что. Переоденьтесь в такой же костюм, как у меня, запасной висит в шкафу. Нас не должны увидеть вместе. Всё, я пошёл. Дверь закрою на ключ, на звонки не отвечайте.

Когда двойник ушёл, Елена взялась варить кофе. Открыв холодильник, она улыбнулась: среди современных упаковок стоял треугольный пакет молока, знакомый с детства. У них такие давно исчезли с прилавков.

— Для человека, который только что встретил своего двойника, он держался довольно спокойно, — заметил Сергей, принимая от Елены чашку.

— Сначала думать, потом реагировать. Видимо, это у нас во всех мирах одинаково. — Александр рассматривал костюм, который достал из шкафа. — Хотя испугался он сильно.

— А вы заметили, какой тут институт? — Елена разливала молоко по чашкам. — Оборудование всё советское, но такого я нигде не видела.

Александр кивнул, застёгивая пиджак. Костюм сидел идеально, что, впрочем, было неудивительно. СССР здесь уцелел и пошёл каким-то совсем другим путём. Интересно, что здесь случилось в начале девяностых.

— Тут всё высокотехнологично. — Сергей подошёл к окну. — Думаете, нам удастся здесь легализоваться?

— Думаю, местный я нам поможет, — сказал Александр. — Он сам намекнул на какие-то аномалии, которые они исследуют. Похоже, мы ему нужны не меньше, чем он нам.

Пока шло заседание, путешественники осматривали кабинет. Через полтора часа двойник вернулся.

— Ну что ж, я многое обдумал, — сказал он, закрывая за собой дверь. — И у меня есть план, как легализовать ваше пребывание здесь. Тем более что ваше появление удачно совпало с одним важным проектом.

Он подошёл к своему столу и достал из ящика две папки с документами.

— Последние полгода мы фиксируем аномалии в квантовом поле. Елена — то есть наша Елена — разработала специальный детектор, а Сергей создал математическую модель этих возмущений. И знаете что? Характер аномалий похож на эффект, который создаёт ваша «Гиперсфера».

— Вы хотите сказать… — начал Александр.

— Да. Похоже, кто-то или что-то создаёт подобные переходы между мирами. Причём в последнее время их активность растёт в геометрической прогрессии. — Он развернул на столе какую-то схему. — А теперь появляетесь вы, с устройством, способным создавать такие переходы. Думаю, нам нужно объединить усилия.

— Вот что я предлагаю. — Сорокин-двойник достал несколько документов из первой папки. — Моей помощнице Марине вы уже представились как группа из Новосибирска, значит, будем развивать эту легенду. Оформим вас как специальную исследовательскую группу из закрытого новосибирского проекта.

— А как быть с тем, что наши двойники тоже работают здесь? — спросила Елена.

— В этом-то и проблема. — Сорокин-двойник нахмурился. — Хотя Марина пока не знакома с местными Еленой и Сергеем, рано или поздно такая встреча может произойти. Нужно что-то придумать…

— У нас только российские паспорта, — сказал Сергей.

— Какие-какие? — Сорокин-двойник резко выпрямился. — Российские? Да что в ваших мирах вообще происходит? Может, мне кто-нибудь объяснит?

— Давайте вернёмся к этому позже, — быстро вмешался Александр. — Сейчас важнее решить, где нам жить. Мы хотели бы побыть у вас какое-то время и посмотреть на ваш мир. Как нам не столкнуться с двойниками?

— Есть идея. — Сорокин-двойник посмотрел на свои старые командирские часы. Было 12:40. — Скоро обед. Сотрудники обедают в главной столовой с часу до двух, так что у нас есть примерно полчаса, чтобы вывести вас из здания незаметно. Я отвезу вас в гостиницу при усадьбе Узкое в Ясенево, там мы размещаем сотрудников особых проектов. А вечером там же устрою вам встречу с двойниками. Думаю, им тоже будет интересно познакомиться с самими собой.

— А они не… — начала Елена.

— Поверят? Думаю, поверят. Они учёные, как и я, и любопытство у них сильнее скептицизма. — Двойник усмехнулся. — А пока займёмся вашими документами. У меня есть доступ к оформлению спецудостоверений для сотрудников закрытых проектов.

Он открыл сейф и достал конверт.

— Здесь деньги на первое время. Завтра оформим вам карты Советской единой платёжной системы, без них в нашем мире сложно. А сейчас надо спешить, пока есть возможность вывести вас незаметно.

— А как же Марина? — спросил Александр. — Она уже видела нас с Еленой и Сергеем.

— Об этом не беспокойтесь. Марина только сегодня приступила к работе, она новый сотрудник из другого отдела и ещё не знакома с персоналом. Очень удачно, что наши Елена и Сергей неделю назад уехали в Ленинград на симпозиум и возвращаются сегодня поездом

в три часа дня. К их приезду мы уже успеем подготовить почву для встречи и обсудить все детали, — ответил двойник, собирая какие-то бумаги в папку. — Главное сейчас — незаметно покинуть здание.

Он подошёл к окну и выглянул во двор.

— Так, основной поток сотрудников уже направляется в столовую. Самое время. Выйдем через запасной выход, он ведёт прямо к служебной парковке. Там стоит мой автомобиль.

За дверью оказался небольшой внутренний двор с парковкой для служебных машин. Среди чёрных «Волг» выделялся серебристый внедорожник «Странник-22», массивный и при этом элегантный. Обтекаемым кузовом он напоминал дорогие иностранные внедорожники, но спутать его с иномаркой было невозможно.

— «Странник-22», — с гордостью сказал Сорокин-двойник, заметив удивлённые взгляды спутников. — Флагман нашего автопрома. Электродвигатель, продвинутый автопилот, климат-контроль. Неплохая машина для загородных поездок, особенно когда нужно добраться до полигонов.

— У нас таких не делают, — тихо заметил Александр, садясь на переднее пассажирское сиденье и оглядывая роскошный кожаный салон с множеством дисплеев и сенсорных панелей.

— Правда? Любопытно, — отозвался двойник, запуская двигатель. Машина едва слышно загудела. — Похоже, нам действительно есть о чём поговорить. Но это уже в более спокойной обстановке.

Дорога до усадьбы Узкое заняла около получаса. «Странник-22» уверенно двигался по широким проспектам советской Москвы, где вместо привычных рекламных щитов виднелись информационные панели с новостями науки и достижениями народного хозяйства. Особенно впечатлял транспорт: помимо обычных машин по выделенным полосам бесшумно скользили электробусы, а над городом то и дело пролетали аэротакси.

— А вот и Узкое, — произнёс Сорокин-двойник, сворачивая к старинной усадьбе. Старое здание было прекрасно отреставрировано. На территории стоял современный гостиничный комплекс, аккуратно вписанный в исторический ансамбль.

— Здесь останавливаются учёные, работающие над специальными проектами, — пояснил он, паркуя машину. — Я договорился о трёх номерах в новом корпусе. Располагайтесь, отдыхайте, а вечером встретимся в конференц-зале — познакомлю вас с вашими двойниками.

После заселения Александр первым делом включил телевизор в номере. На экране шли новости: репортаж о запуске новой орбитальной станции «Мир-4», сюжет об испытаниях термоядерного реактора в Дубне, прогноз развития квантовых технологий на ближайшее десятилетие.

— Ну и ну, — пробормотал он, переключая каналы.

Вечером в конференц-зале собрались все шестеро — три пары двойников. Первые минуты прошли в неловком молчании: каждый разглядывал свою альтернативную версию.

— С формальностями вашего пребывания разберёмся позже, — начал местный Александр. — Сначала о науке. Особенно меня интересуют эти квантовые возмущения, которые мы фиксируем последние месяцы.

— Да, и ещё кое-что, — добавил Александр-путешественник. — В мире, из которого мы только что сбежали, действовала некая организация под названием «Свод». Техника у них была на десятилетия впереди нашей…

— Постойте, — вдруг перебила его местная Елена, до этого молчавшая. — «Свод»? Мы тоже сталкивались с чем-то подобным. Три месяца назад наши датчики зафиксировали странный объект в небе над полигоном в Подмосковье. Он не отвечал ни на какие запросы и двигался по невозможной для известных летательных аппаратов траектории.

— Чёрный, с необычной геометрией крыльев? — быстро спросил Сергей-путешественник и показал свои зарисовки и снимки.

— Да, — подтвердила местная Елена. — Мы засекли его всего на несколько секунд, но успели сделать несколько снимков.

Она достала из папки фотографии и разложила их на столе. На них был чётко виден тот самый характерный силуэт летательного аппарата «Свода».

— Значит, они добрались и сюда, — мрачно сказал Александр. — Вопрос только, зачем.

Неожиданно у местного Сорокина зазвонил телефон. Он включил громкую связь, и все услышали взволнованный голос Марины.

— Александр Михайлович, срочная новость! На полигоне опять зафиксировали аномалию. И она растёт…

Глава 5: Параллели судеб

Несколько секунд никто не говорил.

Местный Сорокин мгновенно поднялся со своего места.

— Какие показатели?

— Превышение всех предыдущих значений в три раза. И продолжает увеличиваться. Графики я отправила вам на планшет.

— Нужно срочно выезжать. — Он повернулся к своим коллегам. — Елена, Сергей, собирайтесь. Это может быть связано с теми аномалиями, которые мы фиксировали последние месяцы.

Затем он обратился к путешественникам:

— Простите, но вам придётся остаться здесь. Слишком рискованно появляться на режимном объекте без надлежащего оформления. К тому же ваше сходство с нами вызовет вопросы, на которые у меня не будет ответов.

Он достал из портфеля конверт и телефон и протянул их Александру.

— Здесь временные документы. В телефоне установлено защищённое приложение для связи. Держите его включённым.

— Остальным займёмся позже. Сейчас главное разобраться с аномалией. Я свяжусь с вами, как только будут новости. — Местный Александр уже направлялся к выходу. — И ещё — будьте осторожны.

После их ухода в конференц-зале стало тихо.

— Ну что ж, — сказал наконец Александр, — раз у нас появилось свободное время, предлагаю узнать об этом мире побольше. И, может быть, найти информацию о наших семьях здесь.

Елена и Сергей промолчали: об этом думал каждый из них.

Но за окнами уже стемнело, а сил после перехода ни у кого не осталось, и прогулку отложили до утра. Ночевали в гостинице «Узкое», в трёх соседних номерах.

* * *

Утром за завтраком вернулись к вчерашнему разговору.

— Думаю, стоит начать с прогулки по городу, — предложила Елена. — Посмотрим, как выглядит советская Москва 2024 года.

За дверями гостиницы начинался другой мир. Вчера они видели его из окна машины, теперь шли по нему пешком: бесшумные электробусы, аэротакси над крышами, информационные панели вместо рекламы.

Лозунги «СССР — оплот мирового прогресса!», «Наука — двигатель коммунизма!», «К звёздам — вместе!» соседствовали на фасадах с голограммами новейших разработок.

— Смотрите. — Сергей указал на экран с репортажем о новой орбитальной станции. — Целый научный городок на орбите. А здесь про термоядерный реактор. СССР тут и правда технологический лидер.

— И посмотрите на людей, — добавила Елена. — Спокойные, хорошо одетые. Никто никуда не бежит, не то что у нас.

Александр молча смотрел на прохожих. Они и правда казались спокойнее и счастливее. Или это только первое впечатление?

Они шли обратно к метро, когда Елена остановилась так резко, что Сергей налетел на неё сзади.

Под козырьком книжного висела афиша. Чёрный фон, белые буквы, в центре — фотография. Мужчина сидел на табурете, положив руки поверх гитары: тёмная одежда, прямая

спина, высокие скулы, узкие внимательные глаза. Волосы, когда-то чёрные, стали пепельными, и он не стал их красить.

Ни имени, ни названия группы. Только зал, дата — двадцатое ноября — и одно слово над снимком: «Единственный».

Имя было не нужно. Ни здесь, ни там.

— Этого не может быть, — сказала Елена.

Александр подошёл ближе, хотя и так всё видел. Это лицо он знал по обложкам и старым записям, которые в их мире заслушивали до дыр — потому что новых не будет никогда.

— У нас он не дожил до тридцати, — тихо сказал Сергей.

— А здесь просто постарел.

Больше всего поражало, как буднично он был жив: афиша висела между объявлением о книжной ярмарке и набором в шахматный клуб, и мимо шли люди, не поднимая головы. Пожилой музыкант даёт очередной концерт, только и всего.

— Мы идём, — сказал Александр.

Получить билеты оказалось неожиданно просто: в кассе достаточно было предъявить временные удостоверения, которые им выдал местный Сорокин. Похоже, в этом мире походы на концерты входили в социальное обеспечение граждан.

— Знаете, — сказал Александр, — интересно было бы узнать, как сложились здесь судьбы наших семей.

— Можно попробовать поискать в открытых источниках, — предложила Елена. — Наверняка есть какие-то публикации, новости. Всё-таки мы все работаем в научной сфере.

Они зашли в небольшое кафе с доступом к информационной сети. Через терминал, встроенный в столик, можно было открыть основные новостные ресурсы и научные публикации.

— Смотрите. — Александр указал на экран. — Статья по нейрохирургии. Среди авторов Сорокина А. С., ведущий специалист Центральной правительственной клиники нейрохирургии. Это точно Анна, тут даже есть её небольшое интервью.

В новостной ленте нашлась заметка о программе для одарённых детей, которых с ранних лет учили заниматься наукой. Среди участников значилась Виктория Сорокина.

— У них для таких детей отдельные школы, — сказал Александр. — Нам с Аней о таком и не мечталось.

Елена стала искать сведения о своей семье, и вдруг замерла.

— Я здесь замужем за Михаилом Левицким! Тем самым Левицким, с которым мы работали в институте до его отъезда в Германию!

— И у вас двое детей. — Александр указал на фотографию счастливой семьи. — Близнецы, судя по всему. И тоже в какой-то специальной школе учатся.

— Надо же… — Елена не могла оторвать взгляд от снимка. — А ведь я когда-то действительно была влюблена в него. Но не решилась сказать, и он уехал…

Сергей молча ввёл свои данные. На экране появилось: «Афанасьев Сергей Валерьевич, профессор МГУ, заведующий кафедрой теоретической физики, руководитель проекта „Квантовая телепортация“. Автор более 200 научных работ…»

— Зато я здесь полностью посвятил себя науке. — Он усмехнулся. — Ни семьи, ни детей — только работа и исследования.

О местной Елене писали и научные журналы: она руководила исследованиями по квантовой физике. А в светской хронике нашлась заметка десятилетней давности: «Ведущие молодые учёные Елена Петрова и Михаил Левицкий объединили свои судьбы, создав не только прекрасный научный тандем, но и семью».

— Подождите, — сказала вдруг Елена. — А Шатилов? Аркадий Ильич, который вёл у нас квантовую механику. Он здесь тоже должен быть, он же ровесник вашего Громова.

Она ввела фамилию и остановилась. Карточка нашлась сразу: Шатилов Аркадий Ильич, доктор физико-математических наук, лауреат, четыре монографии, тридцать две публикации.

Последняя — за две тысячи девятый год.

— И всё? — спросил Сергей.

Елена пролистала до конца. После две тысячи девятого в карточке стояла одна строка: «Переведён. Дальнейшие сведения в открытом доступе отсутствуют».

— Может, ушёл из науки, — предположил Сергей. — Или заболел. Или умер, в конце концов.

— Умер — так и писали бы. — Елена смотрела на экран. — Тут у всех написано. Я только что читала: Кузнецов, скончался в две тысячи семнадцатом, некролог, всё как положено. А здесь — «переведён».

Александр забрал у неё терминал и ввёл другую фамилию. Ту, которую помнил с аспирантуры: научный руководитель, невыносимый старик, споривший с ним до хрипоты и научивший его всему, что он умел.

Карточка нашлась. Публикации до девяносто восьмого. Потом: «Переведён».

Он ввёл третью. Четвёртую.

Из семнадцати человек, которых он проверил за следующие двадцать минут, у троих стояло это слово.

— Три из семнадцати, — сказал он.

— Это может быть что угодно, — сказала Елена, но сказала неуверенно.

— Может. — Александр откинулся на спинку стула. — Только смотри, какая вещь получается. Мы с тобой полдня читаем про то, какой это прекрасный мир. Лунные базы, детские кружки, бесплатная нейрохирургия. И всё это правда, я не спорю. Но мы читаем то, что нам показывают, и нам показывают ровно то, что здесь принято показывать.

Он повернул экран к ней.

— Я за полдня не нашёл ни одной статьи о том, во сколько обошлась лунная программа. Ни одной цифры. Я не нашёл ни одного спора. Ни одной статьи, где кто-нибудь говорит «а я считаю, что мы зря туда полезли». В любом нашем журнале половина номера — это ругань.

— Может, тут просто не принято ругаться, — сказал Сергей.

— Вот именно, — сказал Александр. — Вот именно, что не принято.

Терминал в столике тихо щёлкнул, и в углу экрана на секунду появилась и погасла строка: «Сеанс 41-18. Запросов: 34. Учтено».

Никто из них не обратил на это внимания.

Про Луну они всё-таки нашли — не сразу и не в новостях, а в юбилейном очерке к сорокалетию Восточного строительного управления. Очерк был бодрый, с фотографиями улыбающихся людей в оранжевых куртках, и в нём между делом сообщалось, что первая очередь космодрома в Приамурье была построена «в кратчайшие сроки силами Второго целинного призыва».

— Что такое целинный призыв? — спросил Сергей.

Александр поискал. Формулировка нашлась быстро и была отлита так гладко, что её явно шлифовали годами: «форма планового перераспределения трудовых ресурсов из избыточных регионов в регионы приоритетного развития, применявшаяся в 1976–1994 гг.».

— Плановое перераспределение, — повторила Елена.

— Из избыточных регионов, — добавил Александр.

Они помолчали.

— Полтора миллиона человек, — прочитал Сергей, найдя цифру в конце очерка. — За восемнадцать лет. Здесь написано «участников» и написано с гордостью.

— Я не хочу сказать, что их всех расстреляли, — сказал Александр. — Скорее всего, ничего похожего. Их просто спросили не так, как спрашивают у нас. И я готов поспорить,

что где-то есть человек, который на это согласился и потом всю жизнь считал, что это было лучшее решение в его жизни. И такой, который не согласился, тоже есть. Только его карточка кончается словом «переведён».

Он выключил терминал.

— Мне вот что не нравится, — сказал он. — Мне не нравится, что я хожу тут полдня и завидую. Я всерьёз завидую. У них Луна, и у них жива легенда советского рока. — Александр кивнул в сторону улицы, где осталась афиша. — И мне страшно от того, как быстро я готов был про всё остальное не спрашивать.

Александр взглянул на часы: был уже пятый час. — До концерта ещё есть время. Я хотел бы заглянуть в Ясенево. Просто посмотреть на дом, в котором я живу. Во всяком случае, в своём мире.

Возражать никто не стал. В Ясенево, подходя к своему дому, Александр замедлил шаг. Внешне здание выглядело почти так же, как в его реальности, только фасад был недавно отремонтирован, а во дворе появилась современная детская площадка.

Он остановился, глядя на окна своей квартиры на шестом этаже. За этими стёклами сейчас жила другая версия его семьи, счастливая и успешная, которая ничего не знала о других реальностях. Если, конечно, его двойник вообще здесь жил: этого Александр пока не знал. В окнах горел свет, и на мгновение ему показалось, что он видит силуэт маленькой фигурки — должно быть, Вика делала уроки за своим столом.

— Нам пора, — мягко напомнила Елена. — Концерт скоро начнётся.

Внезапно зазвонил телефон — тот, который передал Александру местный Сорокин.

— Алло?

— Можно узнать, что вы делаете около моего дома?

— А… Нам захотелось посмотреть, как живут наши семьи в этом мире. Мы ни к кому не приближались, не беспокойтесь.

— Мне кажется, я вас предупредил о необходимости соблюдать осторожность. Пожалуйста, не забывайте об этом, — в голосе Сорокина из мира СССР послышалось напряжение.

— У меня есть для вас новая информация. Завтра утром я за вами заеду, поедем в лабораторию. Будьте готовы к 08:00.

В трубке щёлкнуло.

Александр коротко пересказал разговор Сергею и Елене. Они уже выходили со двора.

Человек сидел на лавочке у соседнего подъезда и читал газету.

Александр заметил его не сразу — только когда тот сложил газету, аккуратно, пополам и ещё раз пополам, и встал.

— Александр Михайлович.

Это было сказано без вопросительной интонации.

Ему было лет сорок пять. Серое пальто, шляпа, гладко выбритое лицо, спокойные светлые глаза. Ничего запоминающегося, кроме, может быть, того, как он стоял: свободно, не торопясь, как человек, у которого времени сколько угодно.

— Гриценко, — сказал он. — Комитет государственной безопасности. Не пугайтесь, ради бога, я не по вашу душу. У меня к вам просьба.

Он показал удостоверение — раскрыл и подержал ровно столько, сколько нужно, чтобы прочитать, и убрал.

— Пройдёмся?

Они пошли по двору. Елена и Сергей шли следом, в трёх шагах, и Александр спиной чувствовал, как они молчат.

— Вы у нас из Новосибирского отделения, — сказал Гриценко. — Прибыли вчера, консультируете по теме Александра Михайловича Сорокина. Однофамильцы, надо же, какое совпадение.

— Бывает, — сказал Александр.

— Бывает, — согласился Гриценко. — Вот и я говорю. — Он помолчал. — Марина Игоревна оформляла вам временные удостоверения. Хорошая сотрудница, аккуратная. Ей поручено, кроме прочего, сообщать о новых лицах в институте, и она сообщила. Это не донос, Александр Михайлович, не делайте такое лицо. Это её работа, она за неё расписалась, когда её принимали, и прекрасно понимала, что будут и такие поручения. У нас так устроено.

— Я ничего не сказал.

— Вы подумали. — Гриценко чуть улыбнулся, впервые. — У нас все так думают в первые пять минут. Потом привыкают.

Они дошли до конца дома и повернули обратно.

— Так вот, просьба, — сказал Гриценко. — Я запросил ваши личные дела в Новосибирске. Обычная процедура, я обязан. Ответ придёт дней через пять, может, семь. — Он посмотрел на Александра сбоку. — Я почти уверен, что там ничего не будет. Ни Афанасьева, ни Петровой, ни вас.

Александр молчал.

— Пять дней, — повторил Гриценко. — Я вам их называю не потому, что добрый. Я их называю, чтобы вы за эти пять дней сами пришли и объяснили, что происходит. Мне так проще. Мне гораздо проще, когда человек приходит сам.

— А если не придём?

— Тогда придут за вами, и это буду уже не я. — Сказано это было без всякой угрозы, скорее с сожалением, как говорят о плохой погоде. — Я, видите ли, шестнадцатый год этим занимаюсь и знаю, чем такие истории кончаются. Хуже всего кончаются те, где человек ничего плохого не сделал, а объяснить не может.

Они остановились у арки. Стемнело; в окнах загорался свет, и в квартире на шестом этаже тоже горел свет, и кто-то ходил там от окна к окну.

— Красивый дом, — сказал Гриценко, проследив его взгляд. — Вы кого-то здесь знаете?

— Нет, — сказал Александр. — Уже нет.

Гриценко кивнул так, будто это был исчерпывающий ответ.

— Последнее. — Он достал из кармана визитную карточку, обычную, серую, с одним номером телефона и без имени. — Если вдруг заметите вокруг себя что-нибудь необычное — не меня, я обычный, а по-настоящему необычное, — позвоните. За неделю в Москве это четвёртый мой разговор такого рода. Люди появляются ниоткуда, Александр Михайлович. Много людей. И меня это беспокоит гораздо сильнее, чем ваши документы.

Он приподнял шляпу и пошёл к арке.

— Гражданин Гриценко, — окликнул его Александр. Слово вырвалось само, чужое, из книжек. — А что бывает с теми, у кого в карточке написано «переведён»?

Гриценко остановился. Постоял спиной, потом обернулся.

— Вы сегодня в кафе на Профсоюзной сидели, — сказал он. — Тридцать четыре запроса.

— И что?

— И ничего. — Он поправил шляпу. — Вопрос вы задали неправильный. Правильный вопрос: почему их так мало. За полвека, при таком-то темпе, — три человека из семнадцати. Мы очень плохо работаем, Александр Михайлович. Слава богу.

Он ушёл в арку и растворился в жёлтом свете двора.

Елена подошла первой.

— Что это было?

— Это была вежливость, — сказал Александр. — Здесь, кажется, очень вежливый мир.

Он посмотрел на визитку. Потом на свет в окнах шестого этажа.

— Пойдём. Опоздаем на концерт.

Большой концертный зал «Космос» сверкал хромом и голографической подсветкой, будто сошёл с обложки фантастического романа. Внутри был объёмный звук, световые инсталляции и экраны, парящие в воздухе.

Зал был полон, и Александра поразил его состав: рядом с седыми головами сидели молодые люди и школьники. Здесь его музыку не вспоминали, её просто слушали все сорок лет.

Свет погас без объявления. Ни благодарностей, ни лишних слов — темнота, одинокий луч, и человек уже сидел на своём табурете, точно как на афише.

Первые четыре ноты подняли зал на ноги.

Александр знал эту песню. Знал каждый её поворот, знал, где вступит бас. Голос стал ниже и суше, и слова, которые он слышал тысячу раз, звучали теперь так, будто их произносил человек, проживший всё, о чём в них говорилось.

А потом он заиграл то, чего Александр не знал.

Это оказалось хуже руин и хуже голубых штор вместо белых. Незнакомая песня. Ещё одна. Целая жизнь работы, которой в его мире не было и не будет.

Елена сидела, закрыв лицо руками.

— Мы слушаем песни, которых не существует, — сказала она, когда зал захлопал.

Тогда Александр их и заметил. Несколько человек в тёмном, слишком строго одетых для концерта, не смотрели на сцену. Он тронул Сергея за локоть, и тот побледнел: на рукаве ближайшего был знакомый знак.

Свет в зале погас. Несколько секунд стояла полная темнота, потом включилось аварийное освещение. Человек на сцене не сбился ни на такт и даже не поднял головы. Зал подхватил без всякой команды.

Когда основной свет вернулся, людей в тёмном на третьем ряду уже не было.

А телефон в кармане Александра завибрировал.

Сообщение от местного Сорокина было коротким и предельно понятным: «Срочно уходите оттуда. За вами следят. И это не наши спецслужбы».

Глава 6: Точка невозврата

Пока Александр с остальными добирались на такси в гостиницу в Узком, он успел покопаться в архивах публикаций и нашёл документы о том, как развивалась эта версия СССР. Всё началось в 1983 году, когда группа физиков-ядерщиков предложила серьёзно изменить конструкцию реакторов РБМК. Их разработки предотвратили возможные аварии на АЭС и заметно повысили эффективность станций. Когда достроили все энергоблоки Чернобыльской АЭС, а затем и Крымской, дальше всё пошло уже по-другому.

К началу 90-х СССР стал мировым лидером в атомной энергетике. Заказы на строительство станций поступали из десятков стран. Избыток дешёвой энергии позволил сосредоточиться на двух направлениях: космической программе и квантовых исследованиях. К 2024 году советские учёные создали постоянные базы на Луне и Марсе и вплотную подошли к пониманию природы квантовых полей.

Наспех вернувшись в гостиницу «Узкое», Александр, Елена и Сергей провели беспокойную ночь. Утром местный Сорокин привёз тревожные новости.

— Вчера «Свод» попытался прорваться в наш мир через полигон, часть людей прорвалась в сторону города — поэтому я вас и предупредил. — Он разложил на столе фотографии странных устройств, которые были при бойцах «Свода». — Военным удалось отбить атаку и захватить часть оборудования. Пленных допросили, и выяснились неожиданные подробности: за вами давно следят. Точнее, за всеми версиями нас — и не только нас — в разных реальностях. Оказалось, что путешественников между параллельными мирами немало, но те, кто ходит редко и понемногу, в их поле зрения не попадают.

Тем временем Александр, пришедший из нашего мира, изучал фотографии изъятого оборудования.

— Оно похоже на «Гиперсферу», но более совершенное.

— Да, — подтвердил местный Сорокин. — Они научились отслеживать перемещения между мирами. И теперь охотятся за теми, кто обладает такой технологией.

— И ещё одно, — сказал местный Сорокин, и по тому, как он это сказал, стало ясно, что это и есть главное. — Вчера вечером с вами разговаривал человек из Комитета.

— Разговаривал, — подтвердил Александр.

— Гриценко Виктор Степанович. Я его знаю, он курирует институт седьмой год. — Двойник потёр глаза. — Он позвонил мне в 23:30. Домой. И задал ровно один вопрос: правда ли, что вы мои коллеги из Новосибирска.

— И что вы ответили?

— Что правда. — Местный Сорокин посмотрел на него. — Я соврал сотруднику Комитета, Александр Михайлович. Я за двадцать лет работы никому серьёзно не врал, а тут соврал не задумываясь, и это было довольно неприятное открытие о себе самом.

Он подошёл к окну.

— Дело даже не в этом. Дело в том, что он мне поверил и на этом успокоился бы — если бы всё осталось между нами. Но его запрос по вам ушёл наверх ещё вчера днём, сразу после доклада Марины. Такие бумаги идут по трём адресам, я эту процедуру знаю. И вот вчера же вечером, ровно через четыре часа, на концерте появляются люди, которых в нашей стране быть не должно, в костюмах с эмблемой, которой нет ни в одном ведомстве.

В комнате стало тихо.

— Вы хотите сказать, — проговорила Елена, — что «Свод» читает почту вашего Комитета?

— Я хочу сказать, что кто-то в цепочке из трёх адресов работает не на нас. — Местный Сорокин пожал плечами. — Я не знаю кто и никогда не узнаю. Но заметьте, как удобно: им не

нужно вас искать по всему городу. Им достаточно, чтобы страна работала как обычно, аккуратно и по инструкции. Мы очень аккуратная страна.

Александр вспомнил серое пальто, шляпу и спокойные светлые глаза. «За неделю в Москве это четвёртый мой разговор такого рода».

— Он ведь и сам это почувствовал, — сказал он. — Гриценко. Он мне вчера пожаловался, что люди появляются ниоткуда и что это его беспокоит.

— Возможно. — Двойник отвернулся от окна. — Только он будет докладывать об этом по инструкции, потому что он честный человек, а честный человек в такой системе — самый удобный канал связи. Он ничего не продаёт. Он просто пишет рапорты.

— И его рапорты приходят не только вам, — сказал Сергей.

— Именно.

Местный Сорокин сел напротив и сложил руки на столе.

— У вас пять дней, он вам сам сказал. Так вот, пяти дней у вас нет. У вас нет и одного.

Решение приняли за десять минут, и все десять минут ушли на то, чтобы кто-нибудь наконец произнёс его вслух.

— Нам надо уходить, — сказал Александр. — Сегодня.

Никто не возразил. Местный Сорокин только спросил:

— Откуда будете стартовать?

— Из лаборатории. Я ни разу не запускал её вне лаборатории и не хочу выяснять, чем это кончается, именно сейчас.

— Тогда едем вечером, когда институт опустеет. У меня пропуск на въезд во двор, лишний раз через проходную мелькать не будем.

Вечером «Странник-22» шёл по Москве плавно и почти беззвучно. Александр сидел на переднем сиденье, смотрел на улицы, которых у него никогда не будет, и запоминал их — не для науки, просто так.

На светофоре у Профсоюзной двойник сказал, не поворачивая головы:

— Вы ведь понимаете, что я останусь здесь.

— Понимаю.

— Со всем этим. С Мариной, которая будет докладывать, потому что ей положено. С Гриценко, который через пять дней получит из Новосибирска ответ, что таких людей не существует. — Он побарабанил пальцами по рулю. — Я, кстати, уже придумал, что ему скажу. Скажу, что вы уехали.

— Он не поверит.

— Конечно, не поверит. Но соврать ему я обязан, иначе я подведу трёх человек — вас — и подставлю ещё четверых, включая собственную жену. — Загорелся зелёный, и машина мягко тронулась. — Знаете, что самое неприятное? Что за все двадцать лет работы это первое по-настоящему трудное решение, которое мне пришлось принять. У меня была очень удобная жизнь.

В кабинете их встретил Ньютон.

Он спрыгнул со стола, сделал два шага и остановился посреди комнаты, глядя то на одного Александра, то на другого. Хвост у него дёрнулся. Кот явно не понимал, что происходит, и это было первое живое существо в этом мире, которое повело себя честно.

Потом он подошёл и стал тереться о ноги пришедшего.

— Вот те раз, — сказал местный Сорокин.

Он сказал это легко, но Елена заметила, как он на секунду отвернулся к окну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.